

Джейн Остин

Гордость и предубеждение

Роман
Иллюстрированное издание

Раздел I

Общепризнанной истиной является то, что одинокий молодой человек — к тому же при немалых деньгах — непременно должен стремиться к женитьбе.

Как бы мало ни было известно о чувствах и взглядах такого человека, когда он впервые появляется на новом месте, эта истина настолько прочно сидит в головах членов окружающих семей, что на новоприбывшего смотрят как на законную собственность той или иной девушки.

— Мой дорогой мистер Беннет, — как-то обратилась жена к мужу, — вы слышали, что Недерфилд-Парк наконец сдается в аренду?

Мистер Беннет ответил, что не слышал.

— Он же сдается в аренду, — снова сказала она, — потому что миссис Лонг только что там была и все мне об этом рассказала.

Мистер Беннет ответил.

— Неужели вам не интересно, кто снял его?! — нетерпеливо воскликнула его жена.

— Вы как раз хотели об этом рассказать, и я не возражаю.

Его слова прозвучали как поощрение.

— Так вот знайте, дорогой мой, что — по словам миссис Лонг — Недерфилд снял какой-то богатый молодой человек из северной Англии. Он приехал в понедельник в фаэтоне, запряженном четверкой, чтобы осмотреться; и это место настолько ему понравилось, что он тут же обо всем договорился с мистером Моррисом: вселиться к Михайлову дню и прислать туда кого-то из слуг до конца следующей недели.

— А как его зовут?

— Бингли.

— Он женат или холост?

— Ой, конечно же, холост, дорогой мой! Холостяк с доходом в четыре или пять тысяч в год. Для наших девочек это просто находка!

— Не понимаю, при чем здесь они?

— Глубокоуважаемый мистер Беннет, — сказала его жена. — Вы меня просто поражаете своей непонятливостью! Неужели трудно уяснить, что я думаю о его женитьбе на одной из них?

— А он что — намерен жениться и осесть здесь?

— Намерение? Глупости! При чем тут это! Но

вполне может случиться, что он полюбит кого-то из них, поэтому вам обязательно надо нанести ему визит, как только он появится.

— Я не вижу для этого подходящего повода. Почему бы не съездить вам и девушкам без меня, а может, вообще пусть едут сами — и это было бы даже лучше, потому что вы так же красивы, как и они, поэтому из всего общества мистер Бингли выберет именно вас.

— Дорогой мой, вы мне льстите. Когда-то я действительно была хороша, но теперь ни на что экстраординарное я не претендую. Когда у женщины пять взрослых дочерей, ей не следует заниматься своей красотой.

— Увы, в таких случаях женщинам уже обычно не о чем беспокоиться.

— Но, дорогой мой, почему бы вам действительно не сходить в гости к мистеру Бингли, когда он здесь появится?

— Да говорю же вам — нет повода.

— Но подумайте о наших дочерях. Только представьте себе, как удачно можно было бы пристроить одну из них! Уильям и леди Лукас пойдут непременно именно по этому поводу, иначе, вы же знаете, — они не наносят визитов новоприбывшим. Вы просто должны пойти, а то как же мы сможем побывать там, если там не побываете вы?

— Не преувеличивайте. Не сомневаюсь, что мистер Бингли и так будет рад вас видеть; а я пришлю ему с вами записку, в которой выскажу свое радостное согласие с его желанием жениться на той из наших девушек, которая понравится ему больше, хотя я просто не смогу не замолвить несколько добрых слов за свою маленькую Лиззи.

— Надеюсь, что ничего такого вы не сделаете. Чем она лучше других? Красотой ей далеко до Джейн, а веселым нравом — далеко до Лидии. И вы почему-то всегда предпочитаете именно ее.

— Они не нуждаются в рекомендациях, потому что нет у них ничего такого, чем можно было бы восхищаться, — ответил мужчина. — Все они глупы и невежественны — как и другие девушки. Лиззи же несколько сообразительнее своих сестер.

— Мистер Беннет, как вы можете так пренебрежительно отзываться о собственных детях? Или вам просто нравится умышленно раздражать меня? Вы совсем не уважаете мои слабые нервы.

— Дорогая, вы неправильно меня поняли. Ваши слабые нервы вызывают у меня чрезвычайное уважение. Они — мои давние друзья. Последние двадцать лет я только и слышу, как вы с теплотой вспоминаете о них.

— Вы просто не знаете, как я страдаю!

— Однако я надеюсь, что вы выздоровеете и еще успеете увидеть, как сюда приедет множество молодых людей с доходом в четыре тысячи фунтов.

— Да пусть их будет хоть двадцать — все равно из этого никакого толку не будет, пока вы не посетите их.

— Даю вам слово, дорогая моя, что когда их здесь будет двадцать, то я непременно навещу их всех.

Мистер Беннет представлял собой настолько странное сочетание сообразительности, сарказма, сдержанности и вредности, что и двадцати лет супружеской жизни не хватило его жене, чтобы полностью понять его характер. Ее же собственный характер понять было не так сложно. Она представляла собой женщину недалекую, малообразованную и капризную. Когда бывала чем-то недовольна, то делала вид, что у нее нервное расстройство. Делом своей жизни она считала выдачу замуж своих дочерей; ее утешением — хождение по гостям и сплетни.

Раздел II

На самом деле мистер Беннет с нетерпением ожидал приезда мистера Бингли. Имел давнее намерение посетить его, хотя упорно уверял свою жену, что делать этого не собирается; поэтому она узнала об этом только тогда, когда визит уже был нанесен. Об этом факте стало известно следующим образом. Наблюдая, как его вторая дочь занимается отделкой своей шляпки, мистер Беннет вдруг

обратился к ней со словами:

— Лиззи, надеюсь, что мистеру Бингли это понравится.

— Откуда нам знать, что именно понравится мистеру Бингли, — недовольно ответила его жена. — Мы к нему не собираемся.

— Но не забывайте, мама, — сказала Элизабет, — что мы увидимся с ним на балу, а миссис Лонг обещала представить его нам.

— Я не верю, что миссис Лонг пойдёт то такое. Ей самой нужно двух племянниц замуж выдать. Она — эгоистичная и неискренняя женщина, я ее не высоко ценю.

— И я тоже, — сказал мистер Беннет. — И я рад узнать, что ты не надеешься на такую услугу с ее стороны.

Миссис Беннет не удостоила его ответом, но не смогла сдержать своего раздражения и начала ругать одну из дочерей.

— И чего ты так раскашлялась, Китти?! Заткнись, ради Бога, пожалей хоть немного мои нервы. Ты же их просто рвешь на куски.

— Китти кашляет без должного к вам уважения, — сказал отец, — она делает это явно невпопад.

— Можно подумать, что я делаю это для собственного удовольствия, — раздраженно ответила Китти.

— А когда должен состояться твой следующий бал, Лиззи?

— Через две недели с завтрашнего дня.

— Ага, вот оно как! — воскликнула ее мать. — Но миссис Лонг вернется только за день до этого, поэтому получается, что она не сможет нам его представить, потому что сама не успеет познакомиться с ним.

— Значит, моя дорогая, теперь у тебя появится возможность представить мистера Бингли своей подруге.

— Нет, мистер Беннет, это невозможно; я же с ним не знакома; и почему вы дразнитесь, а?

— Отдаю должное вашей осмотрительности. Двухнедельное знакомство — это действительно очень мало. За две недели нельзя толком узнать человека. Но если этого не сделаем мы, то это сделает кто-то другой; надо же и миссис Лонг с ее племянницами дать шанс, не так ли? Она непременно воспримет это как проявление доброжелательности с нашей стороны, и если эту обязанность не выполните вы, то ее выполню я.

Девушки удивленно уставились на своего отца. А миссис Беннет только и смогла выдать из себя:

— Это просто ерунда какая-то!

— Что вы хотите сказать вашим эмоциональным восклицанием?! — спросил мистер

Беннет. — Вы считаете глупостью такую важную процедуру, как знакомство?! Вот тут я с вами никак не могу согласиться. А ты что скажешь, Мэри? Ты ведь, насколько мне известно, — глубокомысленная молодая девушка, ты читаешь умные книжки и делаешь заметки.

Мэри хотела сказать что-то очень умное, но не знала, как это сделать.

— Пока Мэри собирает в кучу свои мысли, — продолжил он, — вернемся к мистеру Бингли.

— Ваш мистер Бингли у меня уже в печенках сидит, — воскликнула миссис Беннет.

— Очень печально это слышать; но почему же вы раньше мне этого не сказали? Если бы я знал об этом сегодня утром, то не заходил бы к нему. Получилось неуместно, но я все же нанес ему визит, и теперь вам никак не удастся избежать знакомства с ним.

Дамы сначала были озадачены, а затем пришли в восторг; именно на такой эффект мистер Беннет и рассчитывал. Наиболее эмоционально отреагировала на эту новость миссис Беннет, хотя потом, когда улеглось первое радостное возмущение, она объявила, что только этого и ждала.

Это так мило с вашей стороны, мой дорогой мистер Беннет. Но я не сомневалась, что, в конце концов, мне удастся-таки вас убедить. Я знала: вы

так любите наших девочек, что непременно завяжете это знакомство. Ой, как же я рада! Вы так удачно пошутили, что пошли к нему сегодня утром, а нам рассказали об этом только сейчас.

— Теперь, Китти, — сказал мистер Беннет, — можешь кашлять, сколько тебе захочется. — Сказав это, он вышел из комнаты, потому что устал от восторженных возгласов своей жены.

— Девочки, у вас такой прекрасный отец, — сказала она, когда за ним закрылась дверь. — Даже не знаю, как вы сможете отблагодарить его за доброту; если уж на то пошло, то не знаю, как я сама смогу его отблагодарить. По правде говоря, в нашем возрасте новые знакомства заводить нелегко, но ради вас мы готовы на все. Лидия, дорогая, хотя ты и молодая, думаю, что на балу, который должен состояться, мистер Бингли обязательно с тобой потанцует.

— Ничего, — решительно сказала Лидия. — Я его совсем не боюсь; я — самая молодая, но и самая высокая.

Остальные вечера прошли в догадках относительно того, насколько быстро мистер Бингли нанесет ответный визит, и в определении дня, когда его можно будет пригласить на обед.

Раздел III

Как ни старалась миссис Беннет, поддерживаемая своими дочерьми, как можно больше расспросить своего мужа, она так и не смогла вытянуть из него достаточно, чтобы составить какое-то более или менее удовлетворительное представление о мистере Бингли. Они набегали на него с разных сторон: задавали откровенные вопросы, делали хитрые предположения и скрытые намеки; но он умело их избегал; и, в конце концов, им пришлось довольствоваться второстепенной информацией, полученной от своей соседки — госпожи Лукас. Ее сведения были весьма положительными. Господину Уильяму мистер Бингли понравился чрезвычайно. Он был совсем молод, удивительно красив, очень дружелюбен и — в дополнение ко всему этому — собирался прибыть на запланированный бал в обществе своих многочисленных друзей. На лучшее можно не надеяться! От любви к танцам не так уж и далеко до любви, поэтому надежды на любовь мистера Бингли высказывались огромнейшие.

— Если мне придется увидеть, как одна из моих дочерей счастливо выйдет замуж и будет жить в Недерфилде, — сказала миссис Беннет своему мужу, — а другим повезет выйти замуж так же хорошо, то мне больше ничего и не останется желать.

Через несколько дней мистер Бингли нанес мистеру Беннету визит и просидел с ним десять минут в его библиотеке. Он надеялся, что его осчастливят встречей с девушками, о чьей красоте он слышал уже много, а встретился только с их

отцом. Самым же девушкам повезло несколько больше, потому что они могли разглядеть его из окна второго этажа: на нем был синий пиджак, приехал он на вороном коне.

Вскоре после этого он был приглашен на обед; и миссис Беннет уже обдумывала, какие же блюда, которые сделают честь ее умению вести хозяйство, она подаст к столу, как пришел ответ, заставивший отложить обед на неопределенный срок. На следующий день мистеру Бингли необходимо было побывать в городе, поэтому он никак не мог принять такое почетное приглашение; и дальше в таком же духе. Миссис Беннет была огорчена. Она не могла понять — что это за дела такие могли появиться у него в Лондоне, если он только вчера прибыл в Гертфордшир; у нее возникли опасения, что, возможно, он так и живет — скачет с места на место и никогда не осядет должным образом в Недерфилде. Госпожа Лукас несколько развеяла ее опасения, выдвинув идею, что он уехал в Лондон только для того, чтобы собрать многочисленное общество для запланированного бала; вскоре распространился слух, что с собой мистер Бингли должен привезти двенадцать женщин и семь кавалеров. Такое количество дам обеспокоило дочерей мистера Беннета; но за день до бала они успокоились, услышав, что с ним из Лондона приехали только

шесть человек — пять его сестер и двоюродный брат. А когда прибывшее общество зашло в комнату для танцев, то оказалось, что состоит оно лишь из пяти человек: мистера Бингли, двух сестер, мужа старшей из них и еще одного юноши.

Мистер Бингли был хорош собой и выглядел благородно; у него была приятная внешность и непринужденные, естественные манеры. Сестры его были женщинами элегантными и модно одетыми, в них чувствовался определенный шарм. Его зять, мистер Херст, выглядел как джентльмен, но не более того; однако приятель его, мистер Дарси, вскоре привлёк внимание всех присутствующих в комнате своей элегантной, высокой фигурой, красивыми чертами лица, благородной внешностью, а еще — слухом о своих десяти тысячах фунтов в год, который распространился в комнате сразу же, как он в нее вошел. Мужчины в один голос заявили, что он выглядит как настоящий мужчина, дамы же провозгласили, что он даже красивее мистера Бингли; полвечера на него смотрели с чрезвычайным восторгом, пока его манеры не вызвали всеобщее осуждение; в результате волна его популярности покатилась в обратном направлении. Оказалось, что он высокомерен, что считает себя выше, чем окружающее общество, все вызывало у него только раздражение; теперь его не могло спасти даже

большое поместье в Дербишире: сошлись на том, что лицо у него отталкивающее и неприятное и ни в какое сравнение со своим другом он идти не может.

Мистер Бингли вскоре перезнакомился со всеми главными лицами, которые присутствовали на балу; был он живым и непринужденным, не пропустил ни одного танца, выражал недовольство, что бал закончился рано, и говорил, что сам устроит бал в Недерфилде. Такие приятные качества говорили сами за себя. Какая поразительная разница между ним и его другом! Мистер Дарси потанцевал лишь дважды — один раз с миссис Херст, а второй — с мисс Бингли, не позволил рекомендовать себя другим дамам и остаток вечера провел, расхаживая по комнате и время от времени разговаривая с кем-то из своей компании. С его характером все было ясно. Это был чрезвычайно напыщенный, неприятный человек, и все надеялись, что он к ним больше никогда не придет. Одним из наиболее ярых его противников стала миссис Беннет, чье недовольство его общим поведением усилилось и превратилось во вполне конкретное возмущение тем, что он откровенно проигнорировал одну из ее дочерей.

Из-за нехватки мужчин Элизабет Беннет пришлось пропустить два танца; часть этого времени мистер Дарси простоял недалеко от нее, и она подслушала разговор между ним и мистером

Бингли, который на мгновение прервал свой танец и подошел, чтобы уговорить своего друга тоже потанцевать.

— Ну-ка, Дарси, — сказал он. — Слушай меня, идем танцевать. Не могу смотреть, как ты стоишь здесь один, словно полный болван. Лучше бы ты потанцевал.

— Ни в коем случае. Ты же знаешь, что я терпеть этого не могу, за исключением, когда я уже знаком со своей партнершей. Пока же не вижу для этого никакой возможности. Твои сестры заняты, танцевать же с любой другой из женщин, присутствующих в этой комнате, было бы для меня настоящим наказанием.

— Ради Бога, не будь таким придирчивым! — воскликнул Бингли. — Честное слово, я еще никогда не встречал так много приятных девушек, чем на этом вечере; некоторые из тех, которых ты видел, очень красивы.

— Та девушка, с которой ты сейчас танцуешь, — единственная действительно хорошенькая женщина в этой комнате, — сказал мистер Дарси, взглянув при этом на старшую из сестер Беннет.

— О! Она — волшебное существо, с которым мне когда-либо приходилось танцевать! Но одна из ее сестер сидит как раз за тобой; она хорошенькая и, кажется, очень приятная. Позволь моей

партнерше представить тебя.

— О ком ты говоришь? — обернувшись, мистер Дарси быстро посмотрел на Элизабет, перехватил ее взгляд, потом отвел глаза и холодно сказал: — Она совсем даже ничего, но недостаточно хороша, чтобы привлечь меня, пока я не в том настроении, чтобы выручать молодых девушек, униженных другими мужчинами. Возвращайся лучше к своей партнерше и радуйся ее улыбкам, потому что со мной ты напрасно тратишь время.

Мистер Бингли прислушался к совету. Мистер Дарси ушел, оставив у Элизабет не слишком теплые чувства в свой адрес. Однако своим подругам она рассказала эту историю чрезвычайно снисходительно, потому что была человеком живого и игривого характера, поэтому ее тешило все смехотворное.

Для их же семьи в целом этот вечер прошел приятно. Миссис Беннет увидела, что ее старшая дочь очень понравилась всей недерфилдской компании. Мистер Бингли танцевал с ней дважды, ее заметили также и его сестры. Джейн радовалась этому не менее матери, но не так эмоционально. Элизабет радовалась за Джейн. Мэри слышала, как в разговоре с мисс Бингли кто-то отозвался о ней как о самой образованной девушке в округе; Кэтрин и Лидии тоже повезло: их то и дело приглашали

танцевать, поэтому необходимость постоянного наличия кавалеров пока была главным впечатлением, сложившемся у них об этом бале. Поэтому все они в хорошем настроении вернулись в Лонгберн — село, в котором жили и основными жителями которого являлись. Оказалось, что мистер Беннет еще не спит. Беря в руки книгу, он забывал о времени; в этом же случае события вечера, приведшие к таким приятным надеждам, вызвали у него большой интерес. Мистер Беннет надеялся, что все представления его жены о вновь прибывших окажутся ложными; но очень скоро он убедился, что ему придется выслушать совсем другую историю.

— О, дражайший мистер Беннет! — воскликнула жена, входя в комнату, — вечер был прекрасный, бал — просто чудесный. Жаль, что вас с нами не было. Все были в восторге от Джейн, всем она очень понравилась. Все говорили, что она выглядит прекрасно; мистер Бингли тоже считает, что она просто очаровательна, и даже дважды с ней потанцевал! Джейн была единственной женщиной среди присутствующих, которую он пригласил во второй раз. Сначала пригласил мисс Лукас. Мне было крайне неприятно наблюдать, как он с ней танцует; однако она ему совсем не понравилась — пожалуй, вообще никому не понравилась, что, между прочим, и не удивительно. Когда же стала

танцевать Джейн, она его просто поразила. Поэтому он спросил, кто она, попросил, чтобы его представили ей, и пригласил ее на следующий танец. Третий — он танцевал с мисс Кинг, четвертый — с Марией Лукас, пятый — снова с Джейн, шестой — с Лиззи, а Буланже...

— Если бы он хоть немного посочувствовал мне, — нетерпеливо воскликнул ее муж, — не танцевал бы так много! Прошу тебя, не пересчитывай его партнерш. Господи! И почему он только не растянул лодыжку во время первого же танца?!

— Да будет вам, дорогой! — продолжила миссис Беннет. — Я от него просто в восторге. Он такой красивый, такой красивый! А сестры его — женщины просто очаровательные; никогда в жизни я не видела таких элегантных платьев, как у них. Смею сказать, что кружева на платье миссис Херст были...

Тут ее снова прервали: мистер Беннет запротестовал против любого описания украшений. Поэтому его жена вынуждена была искать другое ответвление этой темы и рассказала — с горечью в голосе и с некоторыми преувеличениями — о поразительной грубости мистера Дарси.

— Но уверяю вас, — добавила она, — Лиззи не много потеряла от того, что не отвечала его капризному воображению, потому что он —

человек чрезвычайно неприятный, просто ужасный, совсем не стоит того, чтобы ему угодить. Такой напыщенный, такой тщеславный — ну просто несносный! То тут ходил, то там, воображая себя большой шишкой. Подумаешь — недостаточно красива, чтобы с ним танцевать! Жаль, мой дорогой, что тебя там не было — ты бы точно сбил с него спесь. Я его просто терпеть не могу.

Раздел IV

Когда Джейн с Элизабет остались вдвоем, то первая, ранее не спешившая восхвалять мистера Бингли, теперь призналась сестре, как сильно он понравился ей.

— Он такой, каким и должен быть молодой человек: рассудительный, доброжелательный, живой; а какие прекрасные у него манеры! Я таких никогда не встречала раньше — такая непринужденность, такая безупречная воспитанность!

— А еще он красивый, — добавила Элизабет, — потому что, кроме всего прочего, молодой человек должен быть — по возможности — еще и красивым. Поэтому он — личность просто безупречная.

— Мне было так приятно, когда он пригласил меня на танец во второй раз. Я и не надеялась на

такой комплимент.

— Да неужели? Зато я надеялась — вместо тебя. В этом, собственно, и заключается одно из значительных различий между нами. Тебя комплименты всегда застают врасплох, меня — никогда. Что могло быть более естественным с его стороны, чем пригласить тебя снова? Он просто не мог не увидеть, что ты в пять раз привлекательнее любой другой женщины в комнате. Для этого не требуется особой галантности. Да, он действительно очень привлекательный, пусть тебе нравится — я не против. Тебе же часто нравились типы, гораздо глупее его.

— Лиззи, дорогая, чего ты?

— Ничего! Просто ты слишком склонна симпатизировать людям вообще. Ты ни в ком не видишь недостатков. Все на свете кажутся тебе добрыми и приятными. Никогда в жизни я не слышала, чтобы ты о ком-то высказывалась плохо.

— Просто я никогда не спешу кого-то осуждать, хотя всегда говорю, что думаю.

— Я знаю, что это так; именно это и удивляет меня более всего. При твоём здравом уме — и быть такой слепой к недалекости и глупости других людей! Показная доброта — явление довольно распространенное: оно встречается везде. Но быть хорошим без притворства и преднамеренности, в каждом видеть только добро и даже преувеличивать

его настоящую меру, не замечая при этом плохих черт, — на это способна только ты. Так, значит, тебе и сестры его понравились, да? А между прочим, у них манеры хуже чем у него.

— Сначала так оно и кажется. Но если с ними поговорить, оказывается, что они очень приветливые женщины. Мисс Бингли будет жить вместе со своим братом и руководить хозяйством; и я почти не сомневаюсь, что в ее лице у нас появится прекрасная соседка.

Элизабет молча выслушала, и услышанное не убедило ее. Общее поведение на балу сестер мистера Бингли не было рассчитано на то, чтобы понравиться. Элизабет была сообразительней, наблюдательней и не такой податливой, как Джейн, к тому же на ее суждения не влияли знаки симпатии с чьей-то стороны, и поэтому она была мало настроена на положительное отношение к этим дамам. Да, они действительно были элегантными и изысканными девушками, им не хватало доброжелательности, они были способны казаться приятными тогда, когда это было им нужно, однако оставались напыщенными и тщеславными. Сестры мистера Бингли были достаточно красивы, образование получили в одном из лучших в Лондоне частном институте благородных девиц, у них было состояние в двадцать тысяч фунтов и привычка жить на широкую ногу; общались они с

людьми с положением, поэтому у них были все основания иметь хорошее мнение о себе и плохое — о других. Происходили они из respectable семьи, проживающей в северной Англии; и это обстоятельство запечатлелось в их памяти еще глубже, чем то, что их богатство, а также богатство брата, было приобретено благодаря торговле.

Состояние на сумму около ста тысяч фунтов мистер Бингли унаследовал от своего отца, который намеревался приобрести имение, но умер, так и не успев этого сделать. Мистер Бингли тоже собирался приобрести имение, иногда останавливая выбор на графстве, в котором он жил; но теперь, когда снял приличный особняк и получил право на охоту, все, хорошо знавшие его беззаботный нрав, начали опасаться, что всю оставшуюся жизнь он проведет в Недерфилде, а дело приобретения имения переложит на плечи следующего поколения.

Его сестрам очень хотелось, чтобы он имел свой собственный особняк, и хотя мистер Бингли поселился в Недерфилде как постоялец, мисс Бингли была совсем не против играть там роль хозяйки; это касалось и миссис Херст, которая вышла замуж за человека (скорее благородного, чем богатого), который совершенно не собирался считать свой дом ее домом, если так не считала она. Не прошло и двух лет после совершеннолетия мистера Бингли, как ему посоветовали посмотреть

Недерфилд-Хаус, и он поддался искушению. Полчаса он смотрел снаружи и внутри, удовлетворился расположением основных комнат и восхвалениями владельца в адрес поместья и немедленно согласился снять его.

С мистером Дарси его связывала крепкая дружба, несмотря на большое различие их характеров. Дарси любил Бингли за непринужденность, открытость и податливость его характера, которая очень сильно отличалась от характера его собственного, и, казалось, его вполне удовлетворяла. Бингли стойко верил в силу дружеских чувств Дарси и чрезвычайно уважал его мнение. Своими умственными способностями Дарси преобладал над Бингли. Не то чтобы последнему не доставало ума, просто Дарси был действительно очень смышленным. Но в то же время он был пренебрежительным, сдержанным, тщательно-капризным, а его манеры, несмотря на их изящество, были не слишком приветливыми. Именно с этой точки зрения его друг имел большое преимущество. Бингли мог рассчитывать на симпатию окружающих везде, где он был, Дарси же — всюду — вызывал у окружающих раздражение.

Характерным в этом отношении был тот способ, которым они описывали меритонский бал. Никогда в жизни не встречал Бингли таких приятных людей или таких хорошеньких девушек,

все относились к нему с чрезвычайным дружелюбием и вниманием; не было никакой формальности, никакой скованности, очень быстро он перезнакомился со всеми присутствующими в комнате; что касается мисс Беннет, то он и не представлял себе, что женщина может быть такой божественно красивой. Дарси же, наоборот, увидел собрание людей не слишком красивых, не по моде одетых, к которым он не испытывал никакого интереса и от которых не получил ни удовольствия, ни проявлений симпатии. Да, он не отрицал, что мисс Беннет — хорошенькая, но, на его взгляд, она слишком много улыбалась.

Миссис Херст и ее сестра не возражали и добавили, что они от нее в восторге, что она им нравится, и пришли к окончательному выводу, что мисс Беннет — хорошенькая девочка, о которой они были бы не против узнать больше. Поэтому сестры закрепили за мисс Беннет статус хорошенькой девочки, а их брат осознал, что эта одобрительная характеристика наделяет его правом думать о ней так, как ему заблагорассудится.

Раздел V

Недалеко от Лонгбера жила семья, с которой Бенетты поддерживали особенно дружеские отношения. Ранее Уильям Лукас занимался

торговой деятельностью в Меритоне, где и заработал немалое состояние и, во время своего пребывания на посту мэра, удостоился чести получить дворянское звание после соответствующего обращения к королю. Приобретенное вместе со знатностью ощущение собственной значимости оказалось слишком сильным. Оно вызвало у него отвращение к собственному бизнесу и к собственной квартире в небольшом торговом городке; поэтому, покинув и свой бизнес, и свою квартиру, он перебрался в имение, которое находилось в миле от Меритона и которое с тех пор стало называться Лукас-Лодж. Там Уильям Лукас мог предаваться приятным мыслям о собственной значимости и (больше не обремененный бизнес-делами) полностью посвятить себя проявлениям вежливости ко всем на свете, потому что новое положение, возвысив его в собственных глазах, совсем не добавляло ему тщеславия. Наоборот — с другими он был сама внимательность и доброжелательность. К его природным качествам: смирению, доброжелательности и вежливости — после представления в Сент-Джеймсе добавилась еще и учтивость.

Леди Лукас была женщиной очень дружелюбной и достаточно бестолковой, чтобы стать хорошей соседкой миссис Беннет. У нее было

несколько детей. Старшей из них была умная и рассудительная девушка лет двадцати семи — близкая подруга Элизабет.

То, что сестры Лукас и сестры Беннет встретятся и будут говорить о бале, было делом совершенно неизбежным, поэтому на следующее утро первые пришли в Лонгберн, чтобы поболтать.

Вы хорошо начали вечер, Шарлотта, — вежливо и сдержанно обратилась миссис Беннет к мисс Лукас. — Именно вас мистер Бингли выбрал первой.

— Да, но вторая явно понравилась ему больше.

— А, наверное, вы имеете в виду Джейн, потому что он танцевал с ней дважды. Да, действительно, похоже было на то, что она ему понравилась — мне тоже так показалось, — я даже что-то услышала по этому поводу, тут, видимо, не обошлось без мистера Робинсона.

— Наверное, вы говорите о подслушанном мной разговоре между ним и мистером Робинсоном; разве я вам не говорила об этом? Мистер Робинсон спросил у него, нравятся ли ему меритонские балы и не кажется ли, что в комнате достаточно много красивых женщин, и какая из них, на его взгляд, самая красивая. На последний вопрос он ответил немедленно: «О! Самая красивая, несомненно, это старшая из сестер Беннет, здесь

иного мнения быть не может».

— Вот это да! Он действительно высказался вполне конкретно... и действительно, похоже, что... но вы же прекрасно знаете, что такие вещи часто не заканчиваются ничем.

— То, что подслушала я, было ближе к теме, чем то, что подслушала ты, Элиза, — сказала Шарлотта. — Мистера Дарси далеко не так интересно слушать, как его друга, правда? Бедная Элиза! Она всего лишь неплохая.

— Умоляю вас: не вбивайте Лиззи в голову, что ей следует раздражаться из-за его невежливого обращения, потому что он человек настолько неприятный, что понравиться ему было бы большим несчастьем. Вчера вечером миссис Лонг рассказала мне, что он просидел рядом с ней полчаса и не обмолвился ни словом.

— А вы уверены в этом, сударыня? — спросила Джейн. — Нет ли тут какой-то ошибки? Я собственными глазами видела, как мистер Дарси с ней разговаривал.

— Да, разговаривал, потому что, в конце концов, она спросила у него, нравится ли ему Недерфилд, и мистер Дарси просто вынужден был ей ответить; но, по её словам, похоже было, что он очень рассердился, поскольку к нему обратились.

— Мистер Бингли поведал мне, — сказала Джейн, — что мистер Дарси ни с кем много не

разговаривает — только со своими хорошими знакомыми. Вот с ними — он исключительно любезен и доброжелателен.

— Дорогая моя, я не верю ни единому слову. Был бы он действительно таким любезным и доброжелательным, то непременно заговорил бы с миссис Лонг. Я догадываюсь, как оно было на самом деле; все говорят, что мистер Дарси чуть ли не лопнет от гордости — и тут он как-то узнает, что у миссис Лонг нет собственной кареты и прибыла она на бал в нанятом фаэтоне.

— То, что он не обратился к миссис Лонг, — не беда, — сказала мисс Лукас, — плохо то, что с Элизой не потанцевал.

— В следующий раз, Лиззи, — сказала ее мать, — я бы, на твоём месте, не пошла с ним танцевать.

— Могу со всей уверенностью обещать вам, мама, что с ним танцевать я никогда не буду.

— Лично у меня, — сказала мисс Лукас, — его гордыня не вызывает такого протеста, как это обычно бывает, потому что он имеет для нее определенные основания. Нет ничего удивительного в том, что такой изящный и элегантный молодой человек, на чьей стороне все преимущества: и родовитость, и богатство, — о себе очень высокого мнения. Если можно так выразиться — он имеет право быть надменным.

— Все это очень верно, — ответила Элизабет, — и я легко бы простила его чрезмерное самоуважение, если бы он не отнесся пренебрежительно к самоуважению моему.

— Думаю, что гордыня, — отметила Мэри, которая щеголяла своим глубокомыслием и начитанностью, — очень распространенный недостаток. Из всего прочитанного я вынесла убеждение, что это действительно распространенный недостаток, природа человеческая очень уязвима, и мало кто из нас не питает чувство самодовольства, которое основывается на той или иной черте — кажущейся настоящей. Тщеславие и гордыня — это разные вещи, хотя слова эти часто употребляют как синонимы. Человек может быть гордым, но не тщеславным. Надменность больше касается нашего собственного мнения о самих себе, тщеславие же касается того, что мы хотели бы услышать о себе от других людей.

— Если бы я был таким богатым, как мистер Дарси, — сказал малолетний Лукас, который пришел вместе со своими сестрами, — то был бы безразличен к собственной надменности. Я держал бы стаю гончих и выпивал бы бутылку вина ежедневно.

— Это было бы для тебя много, — сказала миссис Беннет, — и если бы я увидела тебя за

таким занятием, то сразу же забрала бы бутылку.

Парень не согласился и сказал, что она не имеет на это права, она же настаивала, что имеет; и этот спор закончился только тогда, когда завершился сам визит.

Раздел VI

Вскоре дамы из Лонгберна, как и положено, нанесли визит дамам из Недерфилда. Приятные манеры старшей из сестер Беннет еще больше привлекли к ней миссис Херст и мисс Бингли; и, хотя мать показалась им несносной, а младшие сестры не стоящими того, чтобы о них говорить, было высказано пожелание поближе познакомиться с двумя старшими сестрами. Джейн восприняла это проявление внимания с превеликим удовольствием, но Элизабет все еще видела превосходство в их отношении ко всем — возможно, даже к своей старшей сестре — поэтому недолго любила их; хотя сама по себе их доброта по отношению к Джейн была ценной тем, что влекла, скорее всего, сильной симпатией к ней брата. Каждый раз, когда они встречались, всем было видно, что он действительно восхищается ею; так же хорошо Элизабет понимала, что Джейн все сильнее подвергается воздействию той симпатии, которую почувствовала к нему с самого начала и которая

вскоре может превратиться в любовь; но она с удовольствием осознавала также, что широкая публика вряд ли об этом узнает, поскольку Джейн сочетала в себе способность к сильным чувствам еще и со способностью к самообладанию и жизнерадостностью, которые сделают невозможными подозрения со стороны людей наглых и проницательных. Об этом она и сказала своей подруге мисс Лукас.

— Может, как раз это и хорошо — вводить

общество в заблуждение, — ответила Шарлотта, — но иногда такая осторожность способна только навредить. Если женщина будет так умело скрывать чувства от объекта своих устремлений, то рискует потерять возможность привлечь его внимание к себе; и тогда осознание полной неосведомленности публики будет для нее слабым утешением. Каждое чувство включает в себя огромную долю благодарности или радостного тщеславия, поэтому нельзя рассчитывать на то, что оно будет развиваться само по себе. Во всех чувствах возникает совершенно спонтанно — легкая симпатия вполне естественна; но мало кто из нас обладает достаточной жесткостью характера, чтобы любить без поощрения. В девяти случаях из десяти женщине лучше продемонстрировать более сильные чувства, чем есть на самом деле. Несомненно, Бингли нравится твоя сестра; но он может так никогда и не суметь чего-то больше, если она не будет его к этому поощрять.

— Но она и так его поощряет — насколько ей позволяет собственный характер. Если даже я чувствую симпатию к нему, то он должен быть просто идиотом, чтобы не чувствовать ее также.

— Имей в виду, Элиза, что он не знает характер Джейн так же хорошо, как ты.

— Но если женщина равнодушна к мужчине и не пытается это скрыть, то он

непременно должен это заметить.

— Может, и заметит, если будет видеть ее часто. Бингли и Джейн встречаются нередко, но ни разу они не провели несколько часов вместе; и поскольку они всегда видятся на больших и разношерстных собраниях, то им далеко не каждый раз выпадает возможность просто поговорить друг с другом. Поэтому Джейн должна максимально использовать те каждые полчаса, когда она будет обладать его вниманием. Когда она сделает так, чтобы мистер Бингли часто бывал рядом с ней, он будет иметь достаточно времени, чтобы полюбить ее так сильно, как ей вздумается.

— Это — хороший план, — ответила Элизабет. — Но он годится для того случая, когда речь идет просто о желании удачно выйти замуж; и если бы я хотела заполучить себе богатого мужа или просто мужа, то, возможно, я этим планом и воспользовалась бы. Но у Джейн совсем иные чувства, она не действует по какой-то продуманной схеме. Пока у нее нет уверенности ни относительно силы своих чувств, ни относительно их серьезности. Джейн знакома с мистером Бингли всего две недели. Она дважды танцевала с ним в Меритоне, однажды утром виделась с ним в своем доме, и с тех пор четыре раза они обедали в компании. Этого явно недостаточно, чтобы он понял ее характер.

— Посмотрим на это с другой стороны. Если бы она с ним просто обедала, то смогла бы только узнать, хороший ли у него аппетит; но не забывай, что, кроме обедов, они провели вместе еще четыре вечера — а четыре вечера могут значить очень много.

— Ну, конечно же! Эти четыре вечера дали им возможность убедиться: обоим больше нравится игра «очко», чем покер; что же касается основных черт характера, думаю, здесь мало о чем можно было узнать.

— Ну что ж, — сказала Шарлотта, — всем сердцем желаю Джейн успеха; думаю, что если бы она вышла за него замуж завтра, то все равно у нее был бы не меньший шанс стать счастливой, чем когда бы она упорно изучала его характер весь год. Счастье в семейной жизни — дело абсолютно случайное. Даже если будущие супруги хорошо знают характеры друг друга и их характеры так же хорошо друг другу подходят, это отнюдь не повышает вероятность того, что их супружеская жизнь будет счастливой. Со временем схожие характеры становятся достаточно разными, чтобы вызвать раздражение и у мужчины, и у женщины; лучше знать как можно меньше о недостатках человека, с которым тебе суждено прожить жизнь.

— Не смейся меня, Шарлотта! Это просто несерьезно, и сама ты такими соображениями

никогда не станешь руководствоваться, ты же знаешь.

Поглощенная поиском признаков симпатии мистера Бингли к своей сестре, Элизабет и не подозревала, что сама медленно становилась объектом внимания со стороны его приятеля. Сначала мистер Дарси с трудом признал, что она милая, и на балу он наблюдал за ней без всякого энтузиазма; когда они встретились во второй раз, он посмотрел на нее лишь для того, чтобы потом высказать критические замечания. Но не успел он сообщить своим друзьям, что в ее лице нет никакой приятной черты, как ему стало казаться, что исключительно умное выражение ему придавали прекрасные темные глаза. К этому открытию добавились и некоторые другие, не менее потрясающие. Хотя его придирчивый взгляд и остановился на некоторых отклонениях от идеальной симметрии в ее формах, он вынужден был признать, что у нее стройная и красивая фигура; и, несмотря на его настаивание на том, что ее манерам далеко до тех, которые приняты в модном обществе, ему очень понравилась их непринужденная игривость. Обо всем этом Элизабет совсем ничего не знала — для нее он был лишь молодым человеком, который нигде и никому не нравился и который считал ее недостаточно красивой, чтобы с ней танцевать.

У него появилось желание побольше о ней узнать, и как повод для разговора он начал участвовать в ее разговорах с другими. Такое его поведение привлекло ее внимание. Было это у сэра Уильяма Лукаса, где собралось многочисленное общество.

— Интересно, — спросила она у Шарлотты, — почему это мистер Дарси так внимательно прислушивается к моему разговору с полковником Форстером? Что он хочет этим сказать?

— Ответ на этот вопрос может дать только сам мистер Дарси.

— Но если он сделает так еще раз, то я непременно скажу ему, что знаю, чем он занимается. У него такое саркастическое выражение лица, то если мне самой не проявить наглость, то вскоре я просто начну его бояться.

И когда чуть позже мистер Дарси приблизился к ним, — хотя и без явного намерения поговорить — мисс Лукас подзадорила свою подругу напомнить ему об этом; Элиза отреагировала немедленно — она повернулась к нему и сказала:

— Как вы думаете, мистер Дарси, правда, я высказывалась очень убедительно, когда сейчас приставала к полковнику Форстеру, уговаривая его устроить нам бал в Меритоне?

— И с большой горячностью; но на эту тему

женщины всегда говорят с особым пылом.

— Вы к нам слишком строги.

— Скоро наступит очередь и к ней тоже приставать, — сказала мисс Лукас. — Элиза, сейчас я открою инструмент, и ты догадываешься, что будет потом.

— Тебе не кажется, что ты очень странная, подруга? Всегда хочешь, чтобы я играла и пела кому угодно и перед кем угодно! Если бы мое тщеславие было связано с музыкой, твоим стараниям не было бы цены. Но поскольку это не так, то мне что-то не очень хочется садиться за инструмент перед теми, кто привык слушать исполнителей высочайшего класса.

Однако мисс Лукас упорно настаивала, поэтому Элизе пришлось согласиться:

— Ну ладно — чему быть, того не миновать, — и добавила, серьезно взглянув на мистера Дарси: — Есть одна старая добрая поговорка, которую здесь, конечно же, все знают: «Лучше промолчать, чем что-то невпопад сказать». Поэтому я лучше промолчу и приберегу свой пыл для пения.

Играла и пела она хорошо, хотя до изысканности ей было далеко. После того, как она спела несколько песен, и до того, как ее стали просить спеть еще немного, за инструментом ее с радостью сменила сестра Мэри. Поскольку изо всех

сестер она была единственной, кто не отличался красотой, Мэри настойчиво получала знания и навыки, поэтому ей всегда хотелось выставить их напоказ.

Но она не обладала ни талантом, ни вкусом. И хотя тщеславие и добавляло ей усердия, оно также подключало к ее манерам педантизм и превосходство, которые могли бы навредить исполнительскому мастерству, превышающему то, которого она достигла. Элизабет, игравшую далеко не так хорошо, зато непринужденно и естественно, слушали с гораздо большим удовольствием; Мэри — под конец своего длительного выступления — все же дождалась похвалы и благодарности, сыграв шотландские и ирландские мелодии по просьбе своих младших сестер, которые — вместе с Лукасом и двумя или тремя офицерами — начали оживленные танцы в другом конце комнаты.

Мистер Дарси стоял рядом с ними и возмущенно молчал по поводу того, что вечер проходил таким образом, поэтому исключал любую возможность разговора. Он слишком углубился в свои размышления и не замечал рядом с собой сэра Уильяма Лукаса, пока тот не начал разговор:

— Какое это прекрасное развлечение для молодежи, мистер Дарси! Что может сравниться с танцами! Я считаю танцы одним из самых выдающихся достижений высокоразвитых обществ.

— Конечно, сэр. А еще они отличаются тем преимуществом, что пользуются популярностью и в обществах менее развитых. Танцевать может каждый дикарь.

Уильям в ответ лишь улыбнулся.

— Ваш приятель танцует просто прекрасно, — продолжил он после непродолжительной паузы, заметив, как к группе танцующих присоединился Бингли. — И я ни минуты не сомневаюсь, что и вы, мистер Дарси, замечательный знаток этой науки.

— Думаю, что вы видели, как я танцевал в Меритоне, сэр.

— Да, действительно видел и получил от этого большое удовольствие. Вы часто танцуете в Сент-Джеймсе?

— Никогда, сэр.

— Не кажется ли вам, что это было бы уместным комплиментом его жителям?

— Этот комплимент я стараюсь не делать никому, если есть возможность его избежать.

— Я так понимаю, что у вас есть дом в Лондоне?

Мистер Дарси кивнул головой.

— Я когда-то сам подумывал о том, чтобы осесть в Лондоне, потому что очень люблю изысканное общество; но сомневался в безвредности тамошнего воздуха для леди Лукас.

Уильям замолчал, надеясь на ответ, но у его собеседника не было для этого соответствующего настроения; в этот момент в их сторону направилась Элизабет, и ему ужасно захотелось сделать что-то очень галантное, он крикнул ей:

— Уважаемая мисс Элиза, а вы почему не танцуете? Мистер Дарси, позвольте мне представить вам эту девушку как весьма желаемую партнершу. Вы же не откажетесь потанцевать, увидев перед собой такую красоту. — И, взяв ее за руку, он уже хотел передать ее мистеру Дарси, который (хотя и крайне удивившись) был совсем не против принять ее, как Элиза сразу же выдернула ее и, несколько смутившись, сказала сэру Уильяму:

— Что вы, сударь, я вовсе не собираюсь танцевать. Неужели вы думаете, что я подошла к вам потому, что занималась поисками кавалера?

Мистер Дарси, как и положено, с серьезным видом попросил разрешения пригласить ее на танец, но тщетно. Элизабет была неумолимой, и эту неумолимость не смог пошатнуть даже сэр Уильям, когда попытался уговорить ее.

— Вы танцуете настолько хорошо, мисс Элиза, что с вашей стороны было бы просто жестоко лишить меня радости созерцать вас во время танца; и хотя мистер Дарси это занятие вообще не любит, я уверен, что он не будет возражать — сделает милость и полчаса потанцует.

— Мистер Дарси — сама вежливость, — сказала Элиза и улыбнулась.

— Конечно, но, несмотря на такое искушение в вашем лице, уважаемая мисс Элиза, можем ли мы удивляться такой любезности, кто же будет возражать против такой партнерши?

Элиза игриво посмотрела на него и отвернулась. Ее нежелание вовсе не оскорбило мистера Дарси, и он с удовольствием думал о ней; именно в этот момент к нему обратилась мисс Бингли.

— Я догадываюсь, о чем вы сейчас думаете.

— А вот и не догадываетесь.

— Вы думаете о том, как это невыносимо — проводить многочисленные вечера таким образом и в таком обществе, и здесь я с вами полностью согласна. Я крайне недовольна! Какая тошнота, и при этом такой шум! А все эти люди — такие никчемные, но такие напыщенные! Так хочется, чтобы вы сказали о них что-то очень саркастическое!

— Ваша догадка совсем неправильная, уверяю вас. Мои мысли движутся в направлении более приятном. Я думаю о той радости, которую могут подарить прекрасные темные глаза на лице хорошенькой женщины.

Мисс Бингли немедленно уставилась на него и пожелала знать, какой же это женщине удалось

вдохновить его на такие мысли. Мистер Дарси набрался мужества и сказал:

— Мисс Элизабет Беннет.

— Мисс Элизабет Беннет?! — воскликнула мисс Бингли. — Я крайне удивлена. И давно она у вас в таком фаворе? Когда же мне поздравлять вас, скажите, пожалуйста?

— Именно такого вопроса я от вас и ожидал. Женщины имеют слишком живое воображение — они моментально перескакивают от симпатии к любви, от любви к браку. Поэтому я не сомневался, что вы желаете мне счастья.

— Что же, если вы настроены так серьезно, то я буду считать это дело уже решенным. У вас будет просто очаровательная теща; она, конечно же, будет жить вместе с вами в Пемберли.

Пока она потешалась таким образом, он слушал мисс Бингли с невозмутимым равнодушием; а поскольку его спокойствие убедило ее в отсутствии оснований для волнения, то она еще долго демонстрировала свое остроумие.

Раздел VII

Богатство мистера Беннета почти полностью состояло из имения, которое давало две тысячи фунтов дохода в год и которое, при отсутствии наследника по мужской линии, — к сожалению для

его дочерей — должен был унаследовать как родовое имущество какой-то дальний родственник; состояние же их матери, несмотря на свои вполне приличные (как для нее) размеры, никак не могло компенсировать этот недостаток. Ее отец был адвокатом в Меритоне и оставил ей в наследство четыре тысячи фунтов.

У нее была сестра, которая была женой некоего мистера Филипса, служившего у ее отца клерком, а затем ставшего его преемником в этом бизнесе, и брата, который жил в Лондоне и был респектабельным и процветающим торговцем.

Село Лонгберн находилось всего в миле от Меритона — расстояние очень удобное для юнных девиц, которых привлекала туда три-четыре раза в неделю необходимость наносить визиты вежливости своей тетушке и наличие магазина галантерейных товаров как раз по дороге. Особенно часто такие походы совершали две самых младших в семье девушки — Кэтрин и Лидия; их головы были еще менее заняты мыслями, чем головы их сестер, поэтому если не находилось чего-то лучшего, то можно было пройтись в Меритон,

чтобы чем-то занять утро и найти тему для разговоров вечером; и какой бы бедной на новости не была окрестность вообще, они всегда умудрялись о чем-то узнать от своей тетушки. Однако пока у них было достаточно и новостей, и оснований для радостного возбуждения, потому что неподалеку недавно остановился на постой полк милицейской армии, прибывший на всю зиму; штаб его был в Меритоне.

Теперь визиты сестер миссис Филипс стали богатым источником чрезвычайно интересной информации. Каждый день добавлял что-то новое в их знания об именах офицеров и их родственных связях. Места их проживания недолго оставались тайной, а со временем они познакомились и с самими офицерами. Мистер Филлипс у всех у них побывал, и этот факт стал для его племянниц источником доселе неизвестной им силы — они только и говорили что об офицерах; теперь богатство мистера Бингли, при упоминании о котором их матушка наполнилась энтузиазмом, было в их понимании ничего не стоящим по сравнению с мундиром прапорщика.

Выслушав однажды утром очередные излияния восторга на эту тему со стороны своих дочерей, мистер Беннет прохладно заметил:

— Все, что я могу понять из вашей манеры говорить, это то, что вы — самые глупые девушки

во всей округе. Я уже давно это подозревал, но сейчас убедился в этом окончательно.

Кэтрин смутилась и промолчала, Лидия же, не обращая никакого внимания на сказанное, продолжала выражать свой восторг капитаном Картером и надежду увидеть его в течение дня, потому что на следующее утро он должен был уехать в Лондон.

— Мой дорогой, — обратилась к нему миссис Беннет, — меня поражает ваша готовность считать собственных дочерей дурами. Можно отзывать пренебрежительно о чужих детях, но не о своих.

— Если мои дети бестолковые, то я должен об этом знать и не забывать.

— Да, но на самом деле все они — очень умные.

— Хочется надеяться, что это — единственный момент, относительно которого наши мнения расходятся. Раньше я верил, что они совпадают в каждой мелочи, теперь же я вижу: они различаются так сильно, что я считаю двух наших самых младших девушек дурами, каких свет не видывал.

— Глубокоуважаемый мистер Беннет, разве можно ожидать от девушек в таком возрасте, чтобы они были настолько же умны, как их отец или мать? Поверьте мне, когда они достигнут нашего возраста, то будут думать об офицерах не более,

чем мы с вами. Помню, мне тоже когда-то очень нравились красные мундиры — в глубине души они мне нравятся до сих пор; и когда исправный молодой полковник с доходом пять-шесть тысяч фунтов в год попросит руки моей дочери, я не скажу ему «нет»; по моему мнению, полковник Форстер выглядел очень привлекательно в своем мундире на одном из приемов у сэра Уильяма.

— Мама! — воскликнула Лидия. — Моя тетя говорит, что полковник Форстер и капитан Картер уже не ходят к мисс Уотсон так часто, как делали это сразу по прибытии; теперь же она замечает, что они часто торчат в библиотеке Кларка.

Миссис Беннет не успела ответить, потому что пришел слуга — он принес записку мисс Беннет. Записка была из Недерфилда — слуга ждал ответа. Глаза миссис Беннет сияли от удовольствия, и она нетерпеливо вскрикивала, когда ее дочь читала эту записку:

— Ну что, Джейн, от кого она? О чем идет речь? Что он пишет? Джейн, не медли, скажи нам, ну же — скажи!

— Это записка от мисс Бингли, — ответила Джейн, а затем прочитала ее вслух.

«Дорогая подруга!

Если вам неведомо сочувствие и вы не придете сегодня, чтобы пообедать со мной и

Луизой, то мы рискуем возненавидеть друг друга на всю оставшуюся жизнь, потому что целодневный тет-а-тет двух женщин не может не завершиться ссорой. Как только получите эту записку — приходите. Моего брата и других мужчин пригласили на обед офицеры.

Ваша Кэролайн Бингли».

— Пригласили на обед офицеры! — воскликнула Лидия. — А тетушка нам об этом ничего не сказала!

— Обедают в гостях, — сказала миссис Беннет, — как жаль!

— Можно я поеду каретой? — спросила Джейн.

— Нет, моя дорогая, лучше бы ты ехала верхом, ведь дождь собирается; поэтому тебе придется остаться там на ночь.

— Это было бы неплохой задумкой, если бы только была уверенность, что Бингли сами не предложат отвезти ее домой.

— Этого не произойдет, потому что джентльмены поедут в Меритон в фаэтоне мистера Бингли, поэтому Херсты останутся без лошадей и не смогут воспользоваться собственным экипажем.

— И все же я бы хотела поехать каретой.

— Но, дорогая, папа не в состоянии выделить лошадей, я это знаю точно. Лошади нужны на

ферме, правда, мистер Беннет?

— Они нужны на ферме гораздо чаще, чем я способен их раздобыть.

— Но если сегодня ты их уже смог раздобыть, то это как раз на руку нашей матушке.

Наконец она вытащила-таки из своего отца подтверждение, что лошади уже используются на ферме; поэтому Джейн пришлось ехать верхом, и мать отправила ее в дорогу, радостно предвещая плохую погоду. Ее ожидания оправдались: не успела Джейн отъехать далеко, как начался сильный дождь. Сестры переживали за нее, мать же наоборот — радовалась. Дождь шел весь вечер без остановки; было ясно, что Джейн не сможет вернуться.

«Вот хорошо я придумала!» — не раз повторяла миссис Беннет, будто бы дождь пошел благодаря именно ее стараниям. Однако главная «радость» ждала ее на следующее утро: не успели они позавтракать, как пришел слуга из Недерфилда и принес для Элизабет записку, в которой говорилось:

«Моя дорогая Лиззи!

Сегодня утром я проснулась, чувствуя себя очень плохо. Я объясняю это тем, что вчера до нитки промокла. Мои любезные друзья и слышать не хотят о моем возвращении, пока мне не станет

лучше. Они также настаивают, чтобы меня осмотрел мистер Джонс, поэтому не пугайтесь, когда услышите, что он ко мне приходил. Ничего особенного со мной не произошло — просто болит горло и голова. Твоя — и т. д.»

— Что же, драгоценная моя, — сказал мистер Беннет, когда Элизабет прочитала записку вслух, — если у вашей дочери случится опасный приступ болезни, если она умрет, то для вас будет утешением знать, что она умерла, добываясь мистера Бингли и соблюдая ваши указания.

— Да будет вам! Я не боюсь, что она умрет. Разве люди умирают от мелочных простуд? К тому же за ней будет хороший уход. Пока она там — все будет хорошо. Я поеду и навещу ее, когда будет возможность воспользоваться каретой.

Элизабет, не на шутку смутившись, решила навестить сестру, несмотря на отсутствие кареты, а поскольку верхом она не ездил, то ей оставалось только пойти туда пешком. Она сообщила о своем решении.

— Не будь такой душой! — воскликнула ее мать. — Ты только подумай: как можно идти по такой грязи! А когда ты доберешься туда, то будешь выглядеть просто ужасно.

— Меня не интересует, как я буду выглядеть, меня интересует Джейн, и это — самое главное.

— Ты намекаешь мне, Лиззи, — спросил отец, — чтобы я послал за лошадьми?

— Нет, не надо. Я не боюсь идти пешком. Расстояние ничего не стоит, когда есть побуждение, а идти туда только три мили. До обеда я вернусь.

— Я просто в восторге от твоей деятельной доброты, — отметила Мэри, — но душевные порывы должны руководствоваться здравым смыслом; и вообще — я считаю, что странности всегда должна быть пропорциональными тому, к чему ты стремишься.

— Мы пойдем с тобой в Меритон, — ободрили ее Кэтрин и Лидия. Элизабет согласилась на их предложение, и три девушки вместе отправились в путь.

— Если мы не будем медлить, — сказала по дороге Лидия, — то, возможно, даже успеем немного увидаться с капитаном Картером, пока он не уехал в Лондон.

В Меритоне они разделились: две младших девушки направились в помещение жены одного из офицеров, а Элизабет пошла дальше сама, быстрым шагом минуя поле за полем, с нетерпеливой живостью перепрыгивая ступеньки и лужи, пока наконец не увидела впереди дом; ноги у нее болели, чулки были в грязи, а лицо пылало от энергичных усилий.

Ее провели в комнату для завтрака, где

собрались все, кроме Джейн, и где ее появление вызвало большое удивление. То, что она в столь раннее время пешком прошла три мили — и еще по такой грязи, да еще и одна, — было для миссис Херст и мисс Бингли почти непостижимым; Элизабет не сомневалась, что они ее за это презирают. Однако они встретили ее очень вежливо, а в манерах брата было нечто большее, чем просто вежливость — в них чувствовалась приветливость и доброта. Мистер Дарси не сказал почти ничего, а мистер Херст — вообще ничего. Первый разрывался между восторгом, вызванным тем чудесным цветом, которого быстрая ходьба придала лицу Элизабет, и сомнений относительно необходимости отправляться одной в такую дальнюю дорогу. Другой думал только о своем завтраке.

На свои расспросы о сестре она получила ответ не слишком оптимистичный. Спала мисс Беннет плохо, и хотя она была уже на ногах, ей было не под силу покинуть комнату из-за очень высокой температуры и плохого самочувствия. Элиза пожелала, чтобы ее немедленно провели к ней; а Джейн очень обрадовалась, когда увидела ее, потому что в своей записке не решилась попросить ее прийти, опасаясь вызвать тревогу или причинить лишние хлопоты. Однако ей было трудно много разговаривать, и, когда мисс Бингли оставила их

вдвоем, она не сказала почти ничего, кроме слов благодарности за ту доброту, с которой к ней относились. Поэтому Элиза просто молча ухаживала за ней.

Когда завтрак закончился, две сестры присоединились к ним; когда Элиза увидела, с какой нежностью и заботой относятся они к Джейн, то и сама стала испытывать к ним симпатию. Пришел аптекарь, осмотрел больную и сказал, — как и следовало было ожидать — что она сильно простудилась и они должны тщательно за ней ухаживать; а еще он посоветовал Джейн не вставать с постели и обещал какие-то лекарства. Она сразу же воспользовалась советом, ибо температура у нее повысилась, а голова разболелась еще больше. Элизабет ни на минуту не оставляла ее, сестры тоже подходили достаточно часто: им все равно нечего было делать, потому что мужчины поехали в гости.

Когда часы пробили три, Элизабет поняла, что пора идти, о чем и сказала — с большой неохотой. Мисс Бингли предложила ей карету, и осталось только немного надавить на Элизабет, чтобы она согласилась, как Джейн проявила такую обеспокоенность ее отъездом, что мисс Бингли пришлось сменить предложение воспользоваться каретой на предложение остаться на время в Недерфилде. Элизабет с большой благодарностью согласилась, а в Лонгберн послали слугу, чтобы тот

сообщил семье о вынужденной задержке и принес чистое платье.

Раздел VIII

В пять часов две хозяйки пошли одеваться, а в половине седьмого Элизабет пригласили на обед. На многочисленные вежливые расспросы, которые полились непрерывным потоком, как только начался обед и во время которого Элизабет с удовольствием для себя отметила большую обеспокоенность мистера Бингли состоянием здоровья Джейн, она не могла дать утешительного ответа — ее сестре совсем не стало лучше. Сестры, услышав это, еще два-три раза повторили, как они расстроены, как это вообще ужасно, когда кто-то сильно простужается, и как сильно им не нравится болеть самим, а потом эту тему и не вспоминали. Их равнодушие к Джейн (когда ее не было рядом) возобновило в Элизабет всю ее изначальную неприязнь к ним.

Единственным из компании, кто вызвал у нее хоть какую-то симпатию, был их брат. Его забота о Джейн была очевидной, а вежливость, с которой он относился к ней самой, — очень приятной, поэтому Элизабет в значительной степени лишилась ощущения, что она здесь незваная гостья — а именно такой, как ей казалось, и считали ее все остальные. Они уже едва замечали ее. Мисс Бингли жадно прислушивалась и присматривалась к мистеру Дарси, сестра ее с меньшей жадностью делала то же; Мистер Херст, рядом с которым

сидела Элизабет, — был вялый человечек, который жил для того, чтобы пить, есть и играть в карты; он так и не сообразил, что сказать, когда узнал, что ей больше нравятся простые блюда, а не рагу.

Когда обед закончился, Элизабет быстренько вернулась к Джейн, мисс Бингли начала ругать ее сразу же после того, как за ней закрылась дверь. Оказалось, что и манеры у нее плохие — смесь чопорности и наглости, — и разговор поддерживать она не умеет, и вообще — нет у нее ни стиля, ни вкуса, ни красоты. Миссис Херст, которая была того же мнения, добавила:

— Короче говоря, она может похвастаться только тем, что она — прекрасный ходок, и больше ничем. Никогда не забуду, как она выглядела сегодня утром. А выглядела просто какой-то неистойвой.

— Ты права, Луиза. Я чуть не расхохоталась. Ее приход — такая глупость! Это же надо — мчаться по полю из-за того, что сестра простудилась! А ее волосы — неопрятные, растрепанные!

— Да вот же. А ее нижняя юбка! Думаю, ты видела ее нижнюю юбку — она вся была в грязи, этого не смогло скрыть даже приспущенное платье.

— Может, изображенная тобой картина и чрезвычайно точна, Луиза, — сказал мистер Бингли, — но все это не коснулось моего взгляда.

Мне показалось, что мисс Элизабет Беннет выглядела чрезвычайно хорошо, когда зашла сегодня утром в комнату. А ее грязной нижней юбки я просто не заметил.

— А вы, мистер Дарси? Вы же просто не могли этого не заметить! — спросила мисс Бингли. — Я склонна думать, что вам совсем не хотелось бы, чтобы подобным образом выглядела, скажем, ваша сестра?

— Конечно же, не хотелось бы.

— Пройти три, четыре, пять — или сколько там? — миль по колено в грязи, и к тому же, абсолютно одной! Интересно, что она хотела этим сказать? Как по мне, то таким задорно-хвастливым образом она хотела продемонстрировать свою самостоятельность и свое деревенское равнодушие к правилам приличия.

— Она хотела продемонстрировать свою любовь к сестре, и это — очень похвально, — сказал Бингли.

— Боюсь, мистер Дарси, — отметила мисс Бингли почти шепотом, — что эта история пошатнула ваше увлечение ее чарующими глазами.

— Отнюдь, — ответил тот. — Быстрая походка только добавила им сияния.

После этой фразы на некоторое время воцарилась тишина, потом сказала миссис Херст:

— Я чувствую необычайное уважение к

Джейн Беннет, она — девушка действительно очень красивая, и я всем сердцем желаю ей удачно выйти замуж. Но при таких родителях и при отсутствии знатных родственников, боюсь, что шансов на это у нее нет никаких.

— Ты как-то говорила, что их дядя — адвокат в Меритоне.

— Да; и у них есть еще один, он живет где-то вблизи Чипсайда.

— Большая шишка, ничего не скажешь, — отметила ее сестра, и они обе весело захихикали.

— Да пусть хоть все их родственники живут в Чипсайте — это не сделало бы сестер Беннет менее приятными ни на грамм! — воскликнул Бингли.

— Но это существенно бы уменьшило их шансы выйти замуж за мужчин с положением, — ответил Дарси.

В ответ на эту реплику Бингли промолчал, зато его сестры радушно с ней согласились и некоторое время весело радовались по поводу родственников- простолюдинов своей дорогой подруги.

Но когда к ним снова вернулись нежные дружеские чувства, то они покинули столовую и направились к ней в комнату, а потом сидели у Джейн, пока их не позвали пить кофе. Джейн чувствовала себя еще очень плохо, и Элизабет не отходила от нее ни на шаг до самого вечера, пока с

облегчением убедилась, что сестра ее уснула, и когда она скорее из вежливости, чем по желанию спустилась вниз в гостиную. Зайдя в комнату, застала все общество за игрой в мушку; ее немедленно пригласили присоединиться, но она, догадываясь, что игра идет по-крупному, отказалась, сославшись на необходимость ухода за сестрой, а потом сказала, что некоторое время побудет внизу и немного почитает. Мистер Херст удивленно уставился на нее.

— Вам интереснее читать, чем играть в карты? — спросил он. — Это что-то оригинальное!

— Мисс Элиза Беннет, — сказала мисс Бингли, — карты терпеть не может. Книги для нее — все, остальное же ее просто не интересует.

— Я не заслуживаю ни на такую похвалу, ни на такое осуждение! — воскликнула Элизабет. — Книги для меня — далеко не все, другие вещи меня тоже интересуют и доставляют мне наслаждение!

— Как по мне, то вы получите удовольствие от ухода за вашей сестрой, — сказал Бингли. — Надеюсь, что вскоре наслаждение ваше возрастет, когда вы увидите ее в добром здравии.

Элизабет поблагодарила его за такое сочувствие, а затем подошла к столу, на котором лежало несколько книг. Мистер Бингли сразу же предложил принести ей еще книг — это, собственно, было и все, из чего состояла его

библиотека.

— Конечно, хотелось бы, чтобы моя библиотека была побольше — вам удовольствие, а мне в честь; но я — человек ленивый, и, имея книг немного, читаю их еще меньше.

Элизабет заверила его, что прекрасно обойдется теми книгами, которые были в комнате.

— Просто диву даюсь, — сказала мисс Бингли, — и почему это мой отец оставил нам в наследство такую малочисленную библиотеку? Вот у вас в Пемберли библиотека просто прекрасна, мистер Дарси!

— Другой она просто не может быть, потому что представляет собой произведения многих поколений.

— Да вы и сами сделали в нее немалый вклад, потому что всегда покупаете книги.

— Не понимаю, как можно пренебрегать семейной библиотекой в такие времена, как наши.

— Пренебрегать! Я уверена, что вы ничего не жалеете, чтобы приумножить красоту и привлекательность вашего благородного дома. Чарльз, когда у тебя будет свой собственный дом, надеюсь, что у него будет хоть какая-то толика той красоты, которую имеет Пемберли.

— Я тоже надеюсь.

— Но я действительно советую тебе приобрести дом в той же местности, а как образец

взять Пемберли. Нет в Англии графства, лучшего чем Дербишир.

— Я полностью поддерживаю эту идею — возьму и куплю Пемберли, если Дарси мне его продаст.

— Я говорю только о реальных возможностях, Чарльз.

— Да будет тебе, Кэролайн, я действительно думаю, что лучше Пемберли приобрести, чем пытаться копировать.

Элизабет так заинтересовал этот разговор, что она едва не забыла о своей книге; потом и вовсе отложила ее и, придвинувшись ближе к карточному столу, устроилась между мистером Бингли и его старшей сестрой и стала наблюдать за игрой.

— Мисс Дарси сильно подросла за время, минувшее с весны? — спросила мисс Бингли. — Наверное, она будет такого роста, как и я.

— Думаю, что да. Уже сейчас она такая же ростом, как и мисс Элизабет Беннет, а может, даже немного выше.

— Так хочется снова ее увидеть! Ни с кем другим я не общалась с таким удовольствием, как с ней. Какой вид, которые манеры! Такая развитая и образованная для своего возраста! А на фортепиано она играет просто великолепно.

— Удивительно, как только у девушек хватает терпения становиться такими образованными и

развитыми! Они сейчас все такие!

— Все молодые девушки развитые и образованные? Что ты имеешь в виду, мой дорогой Чарльз?

— Именно это я и имею в виду. Все они хорошо рисуют, клеят ширмы и вяжут кошельки. Что-то я не припомню девушек, которые не умели всего этого делать, а о девушке, которую представляют впервые, непременно скажут, что она чрезвычайно развита и образована.

— Ваш перечень наиболее распространенных достоинств очень близок к истине, — отметил Дарси. — Такую характеристику применяют сейчас к любой женщине, которая умеет связать кошелек или наклеить ширму. Но я совсем не согласен с вашей оценкой девушек в целом. Здесь я не могу похвастаться — из всех своих знакомых я знаю не более шести, которые действительно развиты и образованы.

— И я не знаю, — поддержала мисс Бингли.

— Значит, — отметила Элизабет, — в ваше понятие развитой и образованной женщины вы вкладываете очень большой смысл.

— Да, я действительно вкладываю в него очень большой смысл.

— Да, — сказала его верная помощница, — по-настоящему развитым и образованным может считаться лишь тот, кто намного превосходит то, с

чем обычно приходится встречаться. Чтобы заслужить такую характеристику, женщине нужно очень хорошо разбираться в музыке, пении, рисовании, танцах и современных языках; а чтобы эта характеристика не была заслуженной только наполовину, женщине, кроме всего этого, надо еще иметь что-то неординарное в своей внешности, в тональности голоса, а также в манере двигаться, общаться и высказываться.

— Да, ей нужно иметь все это, — сказал Дарси, — но ко всему этому ей надо добавить и нечто очень существенное — развитие собственного ума через прочтение большого количества книг.

— Теперь я не удивляюсь, что вы знаете только шесть развитых и образованных женщин. Удивительно, что вы их знаете вообще.

— Вы так строго относитесь к собственному полу, что вам это странно?

— Лично я никогда такой женщины не встречала, лично я никогда не видела, чтобы описанные вами качества — незаурядные умственные способности, образованность и элегантность — сочетались в одной женщине.

Миссис Херст и мисс Бингли энергично запротестовали против такого возражения, утверждая, что они знали многих женщин, которые отвечали такому описанию; но здесь мистер Херст

призвал к порядку, сетуя на их невнимательность к игре. Тем самым разговору был положен конец, и вскоре Элизабет покинула комнату.

— Элиза Беннет, — сказала мисс Бингли, дождавшись, когда за той закрылась дверь, — это одна из тех девушек, которые предлагают себя представителям другого пола путем унижения пола собственного; должна сказать, что с большинством мужчин такой номер проходит удачно. Но, на мой взгляд, это — левая хитрость, крайне дешевый трюк.

— Не подлежит сомнению, — ответил Дарси, на которого, главным образом, и было рассчитано это замечание, — что хитрость присутствует во всех без исключения средствах, которыми пользуются женщины, чтобы заполучить себе мужа. Все, что имеет хоть какое-то отношение к хитрости, вызывает отвращение.

Мисс Бингли не была столь довольна ответом, чтобы продолжать разговор на эту тему.

Вскоре Элизабет снова вышла к ним, но сказала только, что ее сестра чувствует себя хуже и что она не может ее покинуть. Бингли потребовал, чтобы немедленно послали за мистером Джонсом; его же сестры, убежденные в бесполезности советов сельских эскулапов, предложили срочно вызвать из города какое-нибудь светило медицинской науки. Элизабет и слышать об этом не хотела; но к совету

брата была не против прислушаться, поэтому решили: если состояние мисс Беннет решающим образом не улучшится, то мистера Джонса вызовут рано утром. Бингли места себе не находил, а его сестры заявили, что они чувствуют себя крайне несчастными. Свое горе они заглушали после ужина пением на два голоса, а их брат, не находя лучшего выхода своим чувствам, приказал экономке, чтобы больной девушке и ее сестре уделялось всевозможное внимание.

Раздел IX

Большую часть ночи Элизабет провела в комнате своей сестры, а утром с удовольствием дала более или менее оптимистичный ответ на расспросы экономки, которую прислал мистер Бингли, а затем — на расспросы двух элегантных дамочек, прислуживавших его сестрам. Однако, несмотря на улучшение, Элизабет пришлось направить в Лонгберн записку с пожеланием, чтобы ее мать сама посетила Джейн и получила собственное представление о состоянии ее здоровья. Записку отправили немедленно, и так же немедленно было выполнено пожелание, которое в ней содержалось: миссис Беннет, сопровождаемая двумя младшими дочерьми, прибыла в Недерфилд вскоре после того, как семья закончила завтракать.

Если бы миссис Беннет убедилась, что Джейн грозит очевидная опасность, то чувствовала бы себя крайне несчастной; но она удовлетворилась тем, что болезнь ее дочери тревоги не вызывала, и поэтому совсем не желала ее скорейшего выздоровления, потому что оно могло бы привести к ее отправке из Недерфилда. Из-за этого она и слушать не хотела Джейн, когда та предлагала отвезти ее домой, к тому же аптекарь, который прибыл примерно в то же время, тоже считал это нежелательным. Миссис Беннет немного посидела с Джейн, а потом появилась мисс Бингли и сделала им приглашение, поэтому мать и три ее дочери прошли в комнату для завтрака. Встретив их, Бингли выразил надежду, что миссис Беннет застала Джейн в состоянии, не худшем, чем то, на которое надеялась.

— К сожалению, это не так, сударь, — сказала она. — Дочь слишком больна, чтобы ее отправлять домой. Мистер Джонс говорит, что об этом еще рано думать. Позвольте нам еще немного злоупотребить вашей добротой.

— Отправить домой?! — воскликнул Бингли. — Об этом и думать не следует! Уверен, что моя сестра и слушать не захочет об отъезде.

— Можете не сомневаться, сударыня, — холодно и вежливо сказала мисс Бингли, — пока мисс Беннет будет оставаться у нас, за ней будут

ухаживать самым надлежащим образом.

Миссис Беннет рассыпалась в благодарностях.

— По правде говоря, — добавила она, — если бы не такие хорошие друзья, то не знаю, что с ней и произошло бы, поскольку Джейн действительно очень больна и чувствует себя очень плохо, хотя проявляет при этом большую терпеливость. Она всегда такая, и я никогда не встречала характера более мягкого. Я часто говорю своим другим девушкам, что они в подметки ей не годятся. У вас тут такая хорошая комната, мистер Бингли, а вид на эту гравийную аллею просто волшебный. Не знаю, есть ли в округе место, способное сравниться с Недерфилдом. Надеюсь, что вы не покинете это имение просто так — впопыхах, хотя и арендовали его на короткий срок.

— Все, что я делаю, я делаю впопыхах, — сказал Бингли, — поэтому если я решу покинуть Недерфилд — сделаю это в течение пяти минут. Однако пока мне кажется, что я осел здесь надолго.

— Именно этого я от вас и ожидала, — сказала Элизабет.

— Вы что, начинаете понимать меня? — воскликнул он, обращаясь к ней.

— Конечно! Я понимаю прекрасно.

— Хотелось бы считать это комплиментом, но боюсь, что человек, в котором легко разобраться, выглядит жалко.

— По-всякому бывает. Если у человека глубокий и сложный характер, то это еще не значит, что в нем труднее или наоборот — легче разобраться, чем в человеке вашего характера.

— Лиззи, — сказала ее мать — не забывайся и не прибегай здесь к выходкам, которые тебе позволяют дома.

— А я и не знал, — быстро продолжил Бингли, — что вы занимаетесь изучением человеческих характеров. Это, наверное, очень интересное дело.

— Да, но самая захватывающая вещь — это изучение сложных характеров. Именно сложность и делает их интересными.

— Вообще сельская местность может предоставить большое разнообразие субъектов такого исследования, — отметил Дарси. — В селе вы вращаетесь в очень ограниченном и неизменном кругу знакомых.

— Но один и тот же человек меняется в столь значительной степени, что в нем всегда находишь что-то новое.

— Конечно! — воскликнула миссис Беннет, оскорбленная той манерой, в которой он говорил о селе. — Уверяю вас: в селе этого отнюдь не меньше, чем в городе.

Все были очень удивлены, а Дарси немного посмотрел на нее, а потом молча отвернулся.

Миссис Беннет, которой померещилось, что она взяла над ним верх, принялась развивать свой триумфальный успех:

— Со своей стороны я не считаю, что у Лондона есть какие-то большие преимущества над селом, кроме магазинов и общественных мест. В селе — гораздо приятнее, правда, мистер Бингли?

— Когда я в деревне, — ответил он, — мне совсем не хочется возвращаться в город; а когда я в городе, то получается наоборот. И деревня, и город имеют собственные предпочтения, и я буду чувствовать себя одинаково хорошо и там, и там.

— Это потому, что у вас такой характер. Но тот господин, — она посмотрела при этом на Дарси — кажется, считает, что село — это вообще ничто.

— Ну ладно, мама, вы ошибаетесь, — сказала Элизабет, краснея за свою мать. — Ты совсем не поняла мистера Дарси. Он хотел лишь сказать, что в селе не встретишь такого разнообразия людей, как в городе, и ты должна признать, что так оно и есть.

— Милочка, но никто и не говорил, что это не так. Но по количеству людей в нашей округе, то мало таких, где жителей больше, чем у нас. Я точно знаю, что мы поддерживаем отношения с двадцатью четырьмя семьями.

Только нежелание поставить Элизабет в неприятное положение помогло Бингли сохранить невозмутимое выражение лица. Однако его сестра

была менее деликатной и поэтому с очень красноречивой улыбкой посмотрела на мистера Дарси. Элизабет, желая сказать что-то такое, что отвлекло бы мысли ее матери от этой темы, быстро спросила ее, не заходила ли случайно в Лонгберн Шарлотта Лукас после того, как сама она пошла навестить Джейн.

— Да, заходила вчера вместе со своим отцом. Уильям такой приятный, правда, мистер Бингли? Такой стильный, такой благородный и непринужденный! И для каждого у него найдется что сказать. Именно так я и представляю себе хорошее воспитание; те же, кто о себе очень высокого мнения и никогда не соизволят открыть рот, зря считают, что именно они хорошо воспитаны.

— Шарлотта с вами обедала?

— Нет, она предпочла уйти домой. Кажется, для того, чтобы помочь с приготовлением сладких пирожков. Что касается меня, мистер Бингли, то для такой работы я всегда держу слуг, и мои девушки воспитаны по-другому. Но каждый сам себе судья, а сестры Лукас — девушки очень приятные, уверяю вас. Жаль, что они некрасивые! Нет, я вовсе не думаю, что Шарлотта очень невзрачна! К тому же она — наша хорошая подруга.

— Кажется, она — очень приятная молодая

женщина.

— Ну что вы, конечно же, но все равно нужно признать, что она некрасивая. Леди Лукас сама об этом часто говорила и завидовала мне, что Джейн такая красавица. Не хочу хвастаться собственным ребенком, но действительно — не часто встретишь девушку, красивую, как Джейн. И это все говорят, это не только мое пристрастное мнение. Когда ей было только пятнадцать и мы приезжали в город к моему брату Гардинеру, один господин так влюбился в нее, что невестка уже думала: он сделает ей предложение, пока мы будем в Лондоне. Но почему-то он этого не сделал. Возможно, она показалась ему слишком молодой? Однако он посвятил ей несколько стихотворений, причем очень неплохих.

— И на этом его любовь и кончилась, — раздраженно сказала Элизабет. — Мне кажется, что такая же судьба постигла не одну пылкую страсть. Интересно, кто первый догадался лечиться от любви с помощью поэзии? Способ очень эффективный!

— Я всегда считал поэзию пищей любви.

— Возможно — если речь идет о любви изящной, крепкой и чистой. Все может быть пищей для чувства, уже успевшего окрепнуть. Но если это только чахлая и неопределенная симпатия, то я убеждена: достаточно одного хорошего сонета,

чтобы она отдала Богу душу.

Дарси только улыбнулся; а общее молчание, наступившее после этих слов, заставило Элизабет трепетно ожидать — не примется ли случайно матушка опять за свое? Ей очень хотелось как можно скорее что-то сказать, но ничего не приходило в голову; поэтому после непродолжительной тишины миссис Беннет снова начала благодарить мистера Бингли за его доброту к Джейн и извиняться за те неудобства, которые им причиняет еще и Лиззи. Мистер Бингли ответил непринужденно и вежливо, что заставило быть вежливой также его младшую сестру, которая высказалась, как и положено в таких случаях. Свою роль она играла не слишком удачно, но миссис Беннет этим все равно удовлетворилась и вскоре велела подать карету. Тут младшая ее дочь как по сигналу выступила вперед. В течение всего визита две девушки все время о чем-то перешептывались, и в результате самая младшая из них укоризненно напомнила мистеру Бингли, что когда он впервые появился в их округе, то обещал устроить бал в Недерфилде.

Лидия была высокой и уверенной в себе девушкой крепкого телосложения с добродушным выражением лица, которое имело прекрасный цвет. У своей матери она была любимицей и благодаря этому еще в раннем возрасте начала появляться в

обществе. Она отличалась чрезвычайной жизнерадостностью и врожденным чувством собственной значимости, переросшим в самоуверенность из-за любезного внимания со стороны офицеров, чувствовавших расположение Лидии благодаря щедрым обедам, которые давал ее дядя, а также благодаря ее непринужденным манерам. Поэтому она безо всякой неловкости обратилась к мистеру Бингли по поводу бала и прямо напомнила ему о его обещании, добавив при этом, что если он его не сдержит, то не избегнет позора на весь мир. Его ответ на такое внезапное нападение прозвучал прекрасной музыкой в ушах ее матушки.

— Уверяю вас, что я абсолютно готов выполнить свое обещание; когда выздоровеет ваша сестра, то, пожалуйста, — вы сами сможете назвать точную дату бала. Вы же не собираетесь танцевать во время ее болезни?

Лидия заявила, что она довольна услышанным.

— Да, конечно! Лучше подождать, пока не выздоровеет Джейн, а там глядишь — и капитан Картер вернется в Меритон... А после того, как бал устроите вы, я буду настаивать, чтобы они тоже устроили бал. Я скажу полковнику Форстеру, что когда он этого не сделает, то это будет позор на весь мир.

После этого миссис Беннет с дочерьми уехала, а Элизабет сразу же вернулась к Джейн, оставив свое поведение и поведение своих родственников в жертву комментариям со стороны двух дамочек и мистера Дарси. Женщины начали порицать ее, однако, несмотря на все те шпильки, которые отпускала мисс Бингли по поводу прекрасных глаз, ей так и не удалось привлечь последнего к этому занятию.

Раздел X

Следующий день прошел почти так же, как и предыдущий. Несколько утренних часов миссис Херст и мисс Бингли провели с больной, которая хоть и медленно, но поправлялась; а вечером Элизабет присоединилась к обществу в гостиной. Однако на этот раз столика для игры в мушку не было. Мистер Дарси писал письмо своей сестре, а мисс Бингли, сидя возле него, наблюдала за этим процессом, время от времени мешая ему просьбами приписать что-нибудь от своего имени. Мистер Херст и мистер Бингли играли в пикет, а миссис Херст наблюдала за игрой.

Элизабет занялась шитьем, не без любопытства прислушиваясь к разговору между Дарси и его приятельницей. Непрерывные похвалы со стороны мисс Бингли то относительно его

почерка, то относительно аккуратности строк или объема самого письма — в сочетании с полным равнодушием к похвалам, которую проявлял Дарси, составляли интересный диалог, который полностью совпадал с представлением Элизабет о каждом из них.

— Мисс Дарси так обрадуется, когда получит это письмо!

Он не ответил.

— Вы так необыкновенно быстро пишете.

— Вы ошибаетесь. Я пишу довольно медленно.

— Наверное, в течение года вам приходится писать очень много писем! И деловых — тоже! Они кажутся мне такими скучными!

— Поэтому радуйтесь, что заниматься ими приходится мне, а не вам.

— Пожалуйста, напишите вашей сестре, что я соскучилась по ней.

— По вашей просьбе я уже это сделал.

— Кажется, ваше перо плохо пишет. Давайте я вам его подточу. Я очень хорошо умею это делать.

— Спасибо, но я всегда сам точу свои перья.

— Как вам удастся писать такими ровными рядами?

Он промолчал.

— Передайте вашей сестре, что я рада ее

успехам в игре на арфе; и, пожалуйста, напишите ей, что я просто в восторге от выполненного ею замечательного эскиза стола и мне он кажется намного лучше того, который сделала мисс Грантли.

— Может, вы мне позволите отложить ваши восторги до моего следующего письма? Сейчас у меня нет для них надлежащего места.

— О, это не имеет большого значения. Все равно я увижу ее в январе. А вы всегда пишете ей такие прекрасные длинные письма, мистер Дарси?

— Обычно они длинные, а прекрасны они или нет — решать не мне.

— Я всегда считала, что человек, способный писать длинные письма, не может писать плохо.

— Кэрлайн! Такой комплимент для Дарси не годится, — воскликнул ее брат. — Потому что письма даются ему нелегко. Он нарочно подыскивает более длинные слова. Правда, Дарси?

— Мой стиль письма очень отличается от твоего.

— Конечно! — воскликнула мисс Бингли. — Чарльз пишет так небрежно! Половину слов он забывает написать, а остальные — вычеркивает.

— Мои мысли несутся так быстро, что мне не хватает времени выразить их, поэтому адресаты иногда ничего не понимают в моих письмах.

— Мистер Бингли, — обратилась к нему

Элизабет, — ваша скромность устраняет всякое желание упрекать вас.

— Нет ничего более обманчивого, — сказал Дарси, — чем кажущаяся скромность. Часто за ней кроется лишь пренебрежительное отношение к чужому мнению, а иногда — скрытое самовосхваление.

— А к какому из этих двух типов ты относишь мое недавнее небольшое проявление скромности?

— К косвенному самовосхвалению, потому что в действительности ты гордишься недостатками своего письма, потому что считаешь их вызванными скоростью твоих мыслей и собственной небрежностью при высказывании их в письме; а последнее — на твое убеждение — не будучи похвальным, является зато очень оригинальным. Тот, кто имеет способность делать что-то быстро, всегда восхваляет это свое качество, часто не обращая никакого внимания на небрежность исполнения. Когда ты говорил сегодня утром миссис Беннет, что, собираясь покинуть Недерфилд, сделаешь это за пять минут, в твоём воображении это было панегириком, чем-то вроде комплимента самому себе. А действительно ли достойна похвалы такая поспешность, при которой идет кувырком очень важное дело и от которой нет никакой пользы ни тебе, ни другим людям?

— Хватит, хватит! — воскликнул Бингли. — Это уже слишком: вспоминать вечером все те глупости, которые были сказаны утром. И все же, честное слово, я верил в правдивость того, что говорил о себе, и совсем не пытался выглядеть шустрым и беззаботным, а лишь хотел понравиться дамам.

— Может, ты и верил в то, что говорил; но я совсем не уверен, что ты действительно покинул бы особняк с такой скоростью. Твое поведение зависело бы от случайности так же, как и поведение всех тех, кого я знаю; и если бы утром, садясь на лошадь, ты услышал от своего друга: «Бингли, лучше отправляйся на следующей неделе» — может быть, ты так и поступил бы — остался, а после дальнейших уговоров вообще мог бы остаться еще на месяц.

— Этим вы только доказали, что мистер Бингли способен поступать вопреки своим привычкам, и тем самым выразили ему похвалу еще большую, чем та, на которую способен он сам.

— Я бесконечно благодарен вам за то, — сказал Бингли, — что слова моего друга вы превратили в комплимент податливости моего характера. Но боюсь, что тем самым вы приписываете этому господину то, чего он вовсе не имел в виду; он ведь прекрасно знает, что в подобных обстоятельствах я наотрез отказался бы

воспользоваться таким советом и уехал бы как можно скорее.

— Значит, мистер Дарси считает, что поспешность вашего первоначального намерения компенсировалась бы тем упорством, с которым вы его выполнили бы?

— Знаете, я не совсем представляю, о чем идет речь. Пусть Дарси сам объясняет то, что сказал.

— Тебе хочется, чтобы я объяснял мысли, которые ты почему-то считаешь моими, хотя я этого никогда не утверждал. Однако если рассматривать это дело так, как подали его, мисс Беннет, то вам следует помнить, что тот приятель, который якобы хотел его возвращения домой и отложении отъезда, предлагал это просто так — без единого аргумента в пользу уместности такого шага.

— Ага, значит, когда человек быстро и легко соглашается с уговорами своего друга, то это для вас — не достоинство?

— Когда человек соглашается со своим приятелем, не будучи при этом убежденным, то это не делает чести умственным способностям их обоих.

— Кажется, мистер Дарси, вы не учитываете влияния дружбы и симпатии. Уважение к тому, кто просит, часто заставляет принять просьбу, даже не

дожидаясь рациональных доводов в его пользу. Я не обязательно имею в виду предложенную вами воображаемую ситуацию мистера Бингли. Мы можем подождать, пока возникнет подобное обстоятельство, после чего будет возможность обсудить осторожность его дальнейшего поведения. Но в обычных и простых ситуациях, возникающих между друзьями, — когда один уговаривает другого изменить свое мнение из-за не очень важного вопроса, — разве вы подумаете плохо о человеке только потому, что он согласился с чьим-то желанием, не дожидаясь рационального доказательства?

— А не лучше ли было бы — прежде чем продолжать эту тему — более точно определить степень важности, свойственной этой просьбе, а также степень дружеских чувств, существующих между сторонами?

— Конечно, — воскликнул Бингли, — давайте выслушаем все подробности, не забывая об их относительной высоте и размерах, потому что они будут иметь такое большое значение в нашем споре, о котором вы даже и не подозреваете, мисс Беннет. Уверяю вас, что если бы Дарси не был таким крепким высоким мужчиной, то я не проявил бы к нему и половины своего уважения. Должен вам сказать, что в определенных ситуациях и в определенных местах я не встречал персоны

страшнее Дарси, особенно в воскресенье вечером, когда ему нечего делать.

Мистер Дарси улыбнулся, и Элизабет показалось, что он все-таки обиделся, и поэтому она не стала смеяться. Мисс Бингли ревностно бросилась защищать его от таких нелепых обвинений и сделала упрек своему брату за то, что тот нес такие глупости.

— Я понимаю твой замысел, Бингли, — сказал его друг, — ты не любишь спорить, именно поэтому ты и этот спор хочешь как можно скорее замять.

— Возможно, именно этого я и хочу, потому что споры слишком сильно напоминают ссоры. Если ты и мисс Беннет отложите свой спор и дождетесь, пока я выйду из комнаты, то я буду очень вам благодарен. После этого вы вольны говорить обо мне все, что вам заблагорассудится.

— То, чего просите вы, — ответила Элизабет, — вовсе не будет каким-то пожертвованием с моей стороны; Мистер Дарси пусть лучше закончит свое письмо.

Мистер Дарси прислушался к ее совету и наконец закончил письмо. Завершив это дело, он обратился к мисс Бингли и Элизабет, чтобы они порадовали его музыкой. Мисс Бингли с готовностью пошла к фортепиано. Ее вежливо попросили дать возможность Элизабет сыграть

первой, и она так же вежливо, но решительно проигнорировала эту просьбу и уселась за инструмент сама.

Пока миссис Херст пела дуэтом вместе со своей сестрой, Элизабет, листая песенники, лежавшие на фортепиано, не могла не видеть, что мистер Дарси частенько на нее поглядывал, и поэтому путалась в догадках — как это она могла стать объектом восхищения со стороны такой важной персоны? И еще более странным было бы, если бы он смотрел на нее именно потому, что она ему не нравилась. В конце концов, ей не оставалось ничего другого, как предположить, что было в ней неправильного и достойного осуждения (в соответствии с его представлениями) еще больше, чем в ком-либо из других присутствующих. Это предположение отнюдь не смутило ее. Слишком мало она симпатизировала ему, чтобы ее беспокоило наличие у него симпатии к ней.

Исполнив несколько итальянских песен, мисс Бингли решила сменить настроение и заиграла оживленную шотландскую мелодию; мистер Дарси сразу же придвинулся к Элизабет и предложил:

— А нет ли у вас, мисс Беннет, сильного желания воспользоваться такой возможностью и станцевать рил?

Она улыбнулась, но ничего не сказала в ответ. Несколько удивленный ее молчанием, он повторил

свой вопрос.

— О, я услышала вас очень хорошо, — ответила Элизабет, — но не могла сразу придумать, что сказать в ответ. Знаю — вы хотели, чтобы я сказала «да», и тогда бы вы получили удовольствие, презирая мой дурной вкус. Но я тоже получаю удовольствие, когда разрушаю подобные коварные замыслы и лишаю человека возможности потешиться пренебрежением. Поэтому мой ответ будет такой: я вообще не хочу танцевать рил! Теперь можете меня презирать, если есть такое желание.

— Да нет у меня такого желания!

Элиза ожидала, что он обидится, и поэтому была крайне удивлена его галантностью; вообще-то ее манерам была присуща смесь игривости с доброжелательностью, и поэтому трудно было представить, что кто-то может на нее обидеться; к тому же никакая женщина никогда не очаровывала Дарси так сильно, как она. Он действительно считал, что если бы не низкое происхождение родственников Элизабет, то опасность брака с ней могла стать вполне реальной.

Мисс Бингли заметила (а скорее — заподозрила) достаточно, чтобы почувствовать ревность; поэтому ее желание избавиться от Элизабет только усилило ее большую заботу о выздоровлении дорогой подруги Джейн.

Она часто пыталась вызвать у Дарси неприязнь к их госте, разговаривая об их воображаемом браке и планируя их дальнейшую счастливую жизнь.

— Надеюсь, — сказала она ему на следующий день во время прогулки среди кустарниковых насаждений, — когда это памятное событие произойдет, то вы не забудете намекнуть вашей теще, что лучше ей держать язык за зубами; если вам удастся — вылечите младших сестер от пагубной привычки бегать за офицерами. А еще — если мне позволено касаться такой деликатной темы — попробуйте устранить один маленький недостаток вашей дамы, а именно ту черту ее характера, которая граничит с тщеславием и наглостью.

— Вы больше ничего не хотите добавить к вашим рецептам моего семейного счастья?

— Конечно же, желаю. Позаботьтесь, чтобы портреты дядюшки и тетушки Филипс непременно повесил в картинной галерее в Пемберли. Надо расположить их рядом с портретом вашего двоюродного деда, который был судьей. Как вам известно, они — представители одной профессии, только вот работали почему-то в разных ее областях. Что касается портрета Элизабет, то, видимо, придется вам обойтись без него, потому что вряд ли найдется художник, который сможет

передать обаяние этих прекрасных глаз.

— Воспроизведение их выражения действительно будет нелегким, но можно достаточно точно скопировать их цвет и форму, а также ресницы — они так безупречно хороши!

Вдруг им встретились миссис Херст и сама Элизабет, которые прогуливались по другой тропинке.

— А я и не знала, что вы собираетесь на прогулку, — сказала, смутившись, мисс Бингли, потому что не была уверена — услышали их разговор или нет.

— Вы же нас просто обманули, — ответила миссис Херст, — сами сбежали и не сказали нам, что идете гулять.

С этими словами она взяла мистера Дарси за свободную руку, предоставив таким образом Элизабет возможность идти дальше самой. Ширина тропы была как раз достаточной для троих. Мистер Дарси, почувствовав, что она поступила некрасиво, тут же сказал:

— Эта тропинка недостаточно широка для нашей компании. Давайте лучше выйдем на аллею.

У Элизабет не было ни малейшего желания оставаться с ними, поэтому она засмеялась и ответила: — Что вы, не надо! У вас такая замечательная компания! Вместе вы выглядите еще лучше. Появление четвертого человека только

испортит красоту этого зрелища. Всего наилучшего.

И она весело направилась прочь, а потом, прогуливаясь туда-сюда, радовалась тому, что через день-два сможет вернуться домой. Джейн уже настолько поправилась, что собиралась в тот вечер выйти на час-другой из своей комнаты.

Раздел XI

Когда дамы вышли после обеда из-за стола, Элизабет побежала к своей сестре, заставила ее тепло одеться и привела в гостиную, где ее с удовольствием встретили две подруги, наперебой выражая свою радость. Элизабет никогда не видела их такими доброжелательными, как в течение часа, который прошел до прихода джентльменов. Собеседницами сестры были очень интересными. Какую-то шутивную историю они рассказывали точно и образно, анекдот — с юмором, а над своими знакомыми шутили с веселым энтузиазмом.

Но когда в комнату зашли мужчины, Джейн перестала быть главным объектом внимания сестер. Мисс Бингли сразу же направила свои глаза на мистера Дарси; не успел он сделать и нескольких шагов, как она уже собралась что-то ему сказать. Но тот обратился к мисс Беннет, вежливо поздоровался с ней и поздравил с выздоровлением.

Мистер Херст едва заметно поклонился и пробормотал что-то вроде «я очень рад»; а многословие и эмоциональность содержались именно в поздравлениях Бингли. Чувство радости, симпатии и заботы переполняли его. Первые полчаса он только и делал, что подбрасывал в камин дрова, чтобы Джейн опять не простудилась от смены комнаты; затем она, выполняя его пожелания, села с другой стороны камина, чтобы быть подальше от двери. Наконец он уселся рядом с ней и почти ни с кем, кроме нее, не разговаривал. Элизабет, сидя за шитьем в противоположном углу, созерцала все это с большим удовольствием.

После чаепития мистер Херст напомнил своей невестке о столике для игры в карты — но тщетно. Каким-то образом ей удалось узнать, что мистер Дарси в карты играть не хочет, и поэтому даже открытое обращение мистера Херста ко всем присутствующим было отклонено. Кэрролайн заверила его, что никто играть не собирается, а молчание, с которым все общество встретило ее слова, казалось, подтверждало их правдивость. Поскольку мистеру Херсту больше ничего не осталось делать, то он развалился на одном из

диванов и захрапел. Дарси взял книгу; мисс Бингли сделала то же самое, а миссис Херст, в основном играя своими браслетами и кольцами, иногда присоединялась к разговору своего брата с мисс Беннет.

Мисс Бингли, поглощенная своей книгой, успевала все же наблюдать и за тем, как мистер Дарси читал свою; она непрерывно или делала какое-то замечание, или заглядывала в его книгу. Однако ей никак не удавалось вызвать его на разговор — он просто отвечал на ее вопросы и продолжал читать. Наконец, совсем обессилив от попыток заинтересоваться собственной книгой, которую она выбрала только потому, что это был второй том той книги, которую он читал, мисс Бингли зевнула, широко раскрыв рот, и сказала:

— Как приятно вот так проводить вечер! Теперь я действительно убедилась, что нет занятия более приятного, чем чтение. Все надоедает очень быстро, книга — никогда. Когда у меня будет собственный дом, я буду не я, если не соберу себе приличную библиотеку.

Ей никто не ответил. Тогда она зевнула снова, небрежно отложила свою книгу в сторону и окинула взглядом комнату в поисках хоть какого-то развлечения. Услышав, как ее брат сказал что-то мисс Беннет о бале, она резко повернулась к нему и сказала:

— Кстати, Чарльз, ты что — действительно планируешь дать танцевальный вечер в Недерфилде? Может, прежде чем принять решение, ты прислушаешься к пожеланиям присутствующих? Я не ошибусь, если скажу, что для некоторых из нас этот бал может из удовольствия превратиться в наказание.

— Если ты говоришь о Дарси, — сказал ее брат, — то он может отойти ко сну еще до того, как этот бал начнется. Что же касается самого бала, то он уже является делом решенным: как только Николс приготовит достаточно еды, я разошлю свои приглашения.

— Балы бы мне гораздо больше нравились, — ответила она, — если бы их проводили по-другому. В привычной же процедуре таких собраний есть что-то чрезвычайно скучное. Не сомневаюсь — было бы гораздо интереснее, если бы упор делался на разговорах и общении, а не на танцах.

— Действительно, дорогая Кэролайн, так было бы гораздо интереснее, но это уже был бы не бал, а что-то другое.

Мисс Бингли ничего не ответила; чуть позже она встала и прошла по комнате. Она имела прекрасную фигуру и элегантную ходу, но Дарси, которому все это адресовано, проявлял полное безразличие и упорно держался за свою книгу. Совсем отчаявшись, мисс Бингли осмелилась на

еще одну попытку и сказала, обращаясь к Элизабет:

— Мисс Элиза Беннет, позвольте посоветовать вам взять с меня пример и пройти по комнате. Уверяю вас — такая смена занятий чрезвычайно полезна, особенно после долгого сидения.

Элиза удивилась, но советом воспользовалась немедленно. Такая усердная заботливость мисс Бингли достигла своей настоящей цели — мистер Дарси поднял глаза. Он — как и Элизабет — был настолько поражен изменением поведения мисс Бингли, что даже закрыл книгу. Его сразу же пригласили присоединиться к их обществу, но он отклонил приглашение, отметив, что, насколько понимает, дамы, решив пройти по комнате, руководствовались при этом двумя мотивами. Его же появление среди них только навредит каждому из этих мотивов. «Что он хотел этим сказать?» — переполошилась мисс Бингли. Ей ужасно хотелось узнать, что же мистер Дарси имел в виду, поэтому она спросила Элизабет, поняла ли та, что именно он хотел сказать.

— Ничего, — ответила Элиза. — Но убеждена, что ничего хорошего. Поэтому лучше нам его не сердить и ни о чем не спрашивать.

Однако мисс Бингли, видимо, очень уж хотелось разозлить мистера Дарси, поэтому она начала упорно требовать объяснений относительно

ЭТИХ ДВУХ МОТИВОВ.

— Я дам вам объяснения безо всяких возражений, — сказал он, как только она дала ему возможность раскрыть рот. — Вы выбрали такой способ проведения вечера или потому, что, доверяя друг другу, хотите обсудить какие-то женские тайны, или потому, что решили продемонстрировать свои красивые телосложения, которые при ходьбе выглядят еще лучше. Если правдивым является первое, я вам совсем не нужен, если второе — то мне лучше любоваться вами, сидя у камина.

— Какой кошмар! — воскликнула мисс Бингли. — Никогда не слышала ничего более отталкивающего! Как мы накажем его за такое нахальство?

— Нет ничего проще, если вы действительно собираетесь это сделать, — сказала Элизабет. — Все мы можем надоедать друг другу и друг друга наказывать. Дразните его, насмехайтесь над ним. Вы — близкие друзья, поэтому вам лучше знать, как это делается.

— Но я не знаю, как это делается, честное слово. И то, что мы — близкие друзья, еще не значит, что я умею это делать. Как можно дразнить спокойного и рассудительного человека? Нет, мне кажется, что тут он просто нас проигнорирует. Что касается насмешек, то, насмехаясь без подходящего

на то повода, мы будем выглядеть просто дурами. Мистер Дарси только обрадуется этому.

— Ага, значит над мистером Дарси вообще нельзя насмеяться? — воскликнула Элизабет. — Какая редкая привилегия! Надеюсь, что она так и останется редкой, мне бы не хотелось иметь много таких знакомых, потому что я очень люблю посмеяться.

— Мисс Бингли, — сказал он, — меня явно перехвалила. Самый рассудительный и достойный мужчина, нет — самые рассудительные и достойные деяния может превратить в посмешище человек, которому хлеба не давай — только дай посмеяться.

— Такие люди действительно существуют, — ответила Элизабет, — но надеюсь, что я к ним не отношусь. Надеюсь также, что никогда не буду высмеивать разумное и доброе. Глупость и бессмыслица, прихоти и непоследовательность действительно ублажают меня, что тут греха таить, и я смеюсь над ними при всякой возможности. Но, думаю, эти недостатки вам не присущи.

— Они присущи каждому. Просто я всю жизнь старался избегать тех пороков, которые часто дают веские основания для насмешек.

— Например, тщеславие и гордыня.

— Да, тщеславие — это действительно недостаток. Но надменность... умный человек

всегда сможет держать ее под пристальным контролем.

Элизабет отвернулась, пряча улыбку.

— Думаю, вы уже закончили свое исследование мистера Дарси? — спросила мисс Бингли. — И к какому же выводу пришли?

— Я пришла к убеждению, что мистер Дарси — личность абсолютно безупречная. Кажется, он и сам этого не скрывает.

— Ничего подобного, — возразил Дарси. — Я не претендую на безупречность. У меня достаточно много недостатков, но надеюсь, что ни один из них не имеет отношения к моим умственным способностям. Однако за свой характер я ручаться не могу. Возможно, он не очень податливый — не знаю; недостаточно податливый, чтобы всем нравиться. Я не способен так просто забывать глупости и пороки других, тем более — обиды, которые они мне нанесли. Я не спешу откликнуться на первую же попытку надавить на мои чувства. Пожалуй, мой характер можно охарактеризовать как уязвимый. Если кто-то теряет мое уважение, он теряет его навсегда.

— Это действительно недостаток! — воскликнула Элизабет. — Безжалостная и непримиримая уязвимость действительно является недостатком характера. Что же, вы очень удачно выбрали ваш недостаток. Ничего смешного я в нем

не вижу. Можете меня не бояться.

— Мне кажется, что любой человек имеет склонность к определенным недостаткам, какому-то врожденному пороку, который не могут преодолеть даже хорошее образование и воспитание.

— И ваш недостаток — это склонность относиться ко всем людям с презрением?

— А ваш, — ответил улыбаясь Дарси, — это склонность упираться в своем нежелании правильно этих людей понимать.

— Давайте немного помузицируем! — воскликнула мисс Бингли, устав от разговора, в котором ей не суждено принять участие. — Луиза, ты не против, если я разбуду мистера Херста?

Ее сестра нисколько не возражала, и вскоре открыли фортепиано, а Дарси, немного поразмыслив, решил, что так, наверное, будет лучше, потому что в его сознание закралось неприятное подозрение: не слишком ли много внимания он уделяет Элизабет?

Раздел XII

По договоренности между сестрами, на следующее утро Элизабет написала своей матери и попросила, чтобы в течение дня прислали карету. Но миссис Беннет, которая рассчитывала, что ее

дочери останутся в Недерфилде до следующего вторника — когда прошла бы раз неделя с тех пор, как Джейн поехала туда, — эта просьба не доставила большой радости. Поэтому ее ответ не был благоприятным — по крайней мере, для Джейн, — потому что ей хотелось скорее попасть домой. Миссис Беннет известила их, что никак не сможет прислать им карету до вторника, а в постскрипуме добавила, что если мистер Бингли и его сестра будут умолять их остаться еще на некоторое время, то она прекрасно сможет без них обойтись. Но Элизабет была решительно настроена против того, чтобы оставаться — не слишком она надеялась также, что их об этом станут умолять. Наоборот — она опасалась, что их дальнейшее пребывание будет казаться несколько навязчивым, и поэтому настойчиво попросила Джейн, чтобы та немедленно заняла у мисс Бингли карету. Наконец сестры решили, что они — в соответствии со своим первоначальным замыслом — заявят о своем намерении покинуть Недерфилд в то же утро, а также попросят предоставить им карету.

Их сообщение вызвало большую обеспокоенность; было высказано много пожеланий, чтобы они остались, по крайней мере, до следующего дня, чтобы дать возможность Джейн окрепнуть, поэтому до следующего дня их отъезд и был отложен. Мисс Бингли сразу же

пожалела, что предложила сестрам остаться, потому что ее ревность и антипатия к одной сестре намного превышали ее симпатию к другой.

Хозяин дома с неподдельным сожалением выслушал новость об их отъезде и неоднократно пытался убедить мисс Беннет в опасности такой поездки, потому что она еще недостаточно выздоровела, но Джейн, чувствуя, что поступает правильно, была неумолимой.

Дарси воспринял это сообщение с удовольствием, потому что Элизабет оставалась в Недерфилде слишком долго. Она влекла его сильнее, чем ему этого хотелось; к тому же мисс Бингли обращалась с ней невежливо, а к нему придиралась чаще, чем обычно. Поэтому он мудро решил проявлять повышенную осторожность, чтобы никоим образом не выразить ни намека на свои настоящие чувства, не выдать ничего такого, что могло бы породить в ней надежду на его благосклонность. Он понимал, что если такая надежда и возникла, то последний день пребывания будет иметь большое значение — от его поведения зависит, будет жить эта надежда или умрет. Твердый в собственной решимости, он в течение всей субботы не обмолвился с Элизабет и десятком слов, и, несмотря на то, что однажды они оставались вдвоем в течение получаса, он усердно держался за свою книгу, а на нее даже не взглянул.

В воскресенье, после утренней службы, расставание, столь желанное почти для всех, наконец произошло. Мисс Бингли сразу стала удивительно вежливой с Элизабет, а ее симпатия к Джейн резко возросла. Когда же они уезжали — после того как Джейн получила заверения, что ее рады видеть как в Лонгберне, так и в Недерфилде, и после жарких объятий, — мисс Бингли даже обменялась с Элизабет рукопожатием, и последняя уехала, находясь, видимо, в лучшем настроении из всех, кто принимал участие в церемонии расставания.

Мать встретила их не слишком приветливо. Миссис Беннет удивилась их приезду, считая, что не стоило себе и хозяевам причинять столько хлопот, и выражая опасения, как бы Джейн снова не простудилась. Но их отец, невзирая на лаконичность удовлетворительных высказываний по поводу их приезда, был действительно рад их видеть, потому что хорошо знал, какое важное место занимают они в семейном кругу. Из-за отсутствия Элизабет и Джейн вечерние семейные разговоры стали далеко не такими интересными и почти потеряли свой смысл.

Сестры застали Мэри погруженной — как обычно — в занятия музыкой и в изучение человеческой природы и имели возможность оценить ее новые выписки и выслушать некоторые

из ее новых сентенций относительно падения нравственности. Кэтрин и Лидия сообщили им новости несколько иного рода. Многие события и разговоры произошли в полку с минувшей среды: несколько офицеров недавно обедали с их дядей, какого-то солдата выпороли для наказания, а полковник Форстер, по слухам, собирался жениться.

Раздел XIII

— Надеюсь, моя дорогая, — сказал мистер Беннет своей жене на следующее утро за завтраком, — что сегодня ты приказала приготовить хороший обед, у меня есть основания ожидать пополнения в нашей семейной компании.

— Что ты хочешь этим сказать, дорогой? Что-то я не слышала, чтобы кто-то собирался прийти, разве что случайно зайдет Шарлотта Лукас — надеюсь, мои обеды ей по вкусу. Не думаю, что дома ей часто выпадают такие хорошие обеды.

— Человек, о котором я говорю, — джентльмен, и к тому же приезжий.

Глаза миссис Беннет заискрились. Джентльмен, да еще и не из наших краев! Это точно мистер Бингли. Ну, хороша ты, Джейн! Могла бы меня хоть как-то предупредить, хитруха! Что же, я буду очень рада увидеться с мистером

Бингли. Но... О, Господи! Сегодня мы не сможем разжиться ни кусочком рыбы. Такая неудача! Лидия, дорогуша, дерни звонок — я должна дать распоряжение экономке.

— Это будет не мистер Бингли, — сказал ее муж, — а человек, которого я ни разу не видел за всю свою жизнь.

Все невероятно удивились, а мистер Беннет получил немалую радость, когда его жена и дочери сразу набросились на него и хором начали расспрашивать — что и как. Потешившись некоторое время над их любознательностью, он, наконец, дал объяснение.

— Примерно месяц назад я получил письмо и примерно две недели назад дал на него ответ, потому что признал это дело довольно деликатным и требующим неотложного внимания. Это письмо — от моего двоюродного брата, мистера Коллинза, который — в случае моей смерти — может всех вас выгнать из этого дома, как только ему заблагорассудится.

— Умоляю, дорогой, — не надо! — воскликнула его жена. — Я не могу слышать об этом без дрожи. Пожалуйста, не говори об этом ненавистном человеку! Нет ничего хуже, когда твое имение наследуют не твои дети, а кто-то другой; знаю — если бы я была на твоём месте, уже давно попыталась бы что-нибудь придумать и найти

выход из этой неприятной ситуации.

Джейн и Элизабет пытались объяснить ей сущность майоратного наследования, но тщетно. Они и раньше пытались это сделать, но не могли достучаться до здравого смысла миссис Беннет; поэтому она упорно продолжала неистово сетовать по поводу такого порядка наследования, который позволяет отобрать имение у семьи, в которой аж пять дочерей, в пользу какого-то никому не нужного ничтожества.

— Такое обстоятельство действительно очень несправедливо, — сказал мистер Беннет, — и ничто не сможет заглазить вину мистера Коллинза, которая заключается в том, что он унаследовал Лонгберн. Но если вы послушаете это письмо, то, может, его стиль хоть немного смягчит вашу суровость. — Нет, я уверена, что этого не произойдет. И я считаю, что с его стороны было огромной наглостью и лицемерием писать тебе вообще. Терпеть не могу таких фальшивых благодетелей. Лучше бы продолжал ссориться с вами, как это делал до него его отец.

— А что, кажется, у него действительно были какие-то сыновние угрызения совести по этому поводу — вот увидите.

*«Гансфорд, что возле Вестерхема, Кент.
(15 октября)»*

Уважаемый господин!

Спор между вами и моим уважаемым покойным отцом всегда был для меня поводом для большого беспокойства. С тех пор, как я имел несчастье потерять отца, я часто желал устранить недоразумение, и некоторое время меня сдерживали сомнения — я боялся, что хорошие отношения с теми людьми, с которыми он всегда имел удовольствие ссориться, были бы надругательством над памятью о нем. — «Вот это место, миссис Беннет». — Однако теперь мое мнение по этому поводу вполне определено, поэтому, получив посвящение в Истер, я имел счастье быть назначенным на должность ее светлостью леди Кэтрин де Бург, вдовой сэра Льюиса де Бурга. Именно благодаря ее щедрости и благотворительности я получил важную должность приходского священника в ее приходе, где я теперь ревностно и смиренно, с благодарным уважением отношусь к ее светлости и буду всегда готов выполнять обряды и торжественные церемонии, введенные Англиканской Церковью. Более того, как духовное лицо я считаю своим долгом способствовать установлению благословенного мира во всех семьях, которыми мне придется заниматься. Утешаю себя мыслью, что эта моя душевная попытка примирения является достойной всяческих похвал и то

обстоятельство, согласно которому я должен унаследовать поместье Лонгберн, будет с вашей стороны доброжелательно проигнорирована и не заставит вас отбросить предлагаемую мной оливковую ветвь мира. Меня не может не беспокоить тот факт, что для ваших дочерей являюсь олицетворением бедствия, поэтому прошу вас разрешить мне извиниться и заверить вас в своей готовности ко всевозможной компенсации со своей стороны — но об этом мы поговорим позже. Если вы не возражаете против того, чтобы принять меня в вашем доме, то я охотно нанесу вам и вашей семье визит в понедельник, восемнадцатого ноября, в четыре часа; позвольте мне воспользоваться вашим гостеприимством до следующей субботы, лично для меня это не вызовет каких-либо неудобств, поскольку леди Кэтрин совсем не возражает против того, чтобы я время от времени мог в воскресный день пойти по своим делам при условии, если к ведению службы привлекается какой-то другой священник. С искренними пожеланиями добра вашей жене и дочерям, ваш уважаемый господин, неизменный доброжелатель и друг

Уильям Коллинз».

— Значит, в четыре часа мы будем ожидать появления этого посланника мира, — сказал мистер

Беннет, складывая письмо. — Как по мне, то он представляется чрезвычайно добросовестным и вежливым молодым человеком; не сомневаюсь, что он станет очень полезным знакомым, особенно когда леди Кэтрин будет проявлять к нему благосклонность, давая ему возможность приходить к нам в гости.

— Однако меня заинтересовали его высказывания относительно девушек, и если ему уж так хочется компенсировать им убытки, то я — не тот человек, который будет ослаблять его интерес.

— Трудно догадаться, — сказала Джейн, — каким образом он собирается сделать нам возмещение, которое считает своим долгом, но такое желание определенно делает ему честь.

Элизабет была поражена преимущественно его необыкновенной почтительностью в адрес леди Кэтрин и добросердечным намерением крестить, женить и совершать похороны своих прихожан в любое время и в любом месте.

— Это, наверное, какой-то чудак — я так думаю, — сказала она. — Не могу понять, что он за человек. В его стиле немало напыщенности. А что он хотел сказать своими извинениями за то, что является прямым наследником? Можно подумать, он бы отказался от этого права, если бы мог! Папа, его можно назвать здравомыслящим человеком?

— Нет, моя дорогая, думаю, что нет. Я сильно надеюсь, что окажется как раз наоборот. Его письмо — это смесь раболепия и гордости, и это дает основания надеяться на лучшее. Мне очень хочется его увидеть.

— С точки зрения композиции, — отметила Мэри, — его письмо не кажется каким-то бестолковым. Может, мысль об оливковой ветви и не очень оригинальна, зато представлена она очень удачно.

Для Кэтрин и Лидии ни письмо, ни его автор никакого интереса не представляли. Это произошло бы разве что тогда, если бы он появился перед ними в ярко-красном мундире, потому что несколько недель все их развлечения были связаны с людьми в одежде только такого цвета. Что касается их матери, то письмо мистера Коллинза почти развеяло всю ее антипатию к нему, и она готовилась встретить родственника с таким внутренним спокойствием, что муж ее и дочери были весьма удивлены.

Мистер Коллинз пунктуально прибыл в указанное им время и был радушно и вежливо встречен всей семьей. Мистер Беннет говорил мало, зато дамы находились в достаточно разговорчивом настроении, и, похоже, что мистеру Коллинзу тоже не требовалось поощрение, потому что он явно и сам не собирался молчать. Это был высокий

двадцатипятилетний молодой человек коренасто-неуклюжего телосложения. Вид у него был мрачно-серьезный и степенный, а манеры — очень формальные. Не успел он усесться, как уже отпустил миссис Беннет комплимент по поводу ее замечательных девушек, сказав, что раньше слышал много об их красоте, но теперь убедился, что правда далеко опередила слухи; затем указал на отсутствие у него сомнений относительно их дальнейшего счастливого будущего в семейной жизни. Некоторым из присутствующих такая галантность не совсем понравилась, но миссис Беннет, для которой годились любые комплименты, с готовностью подхватила:

— О, вы так любезны, сударь, — всем своим сердцем я желаю, чтобы так оно и было, иначе их ждет бедность. Мир устроен так несправедливо!

— Я так понимаю, что вы намекаете на наследование этого имения?

— Ох, сударь! Именно на это я и намекаю. Согласитесь, что для моих девушек это обстоятельство является очень болезненным и печальным. Не думайте, что у меня какие-то претензии лично к вам, потому что в этом мире все зависит от воли случая. Разве можно узнать заранее, кому именно достанется имение, если уж оно должно быть унаследованным?

Я хорошо осознаю те немалые трудности,

которые могут выпасть на долю моих прекрасных кузин, госпожа, — и готов многое сказать по этому поводу, но боюсь показаться поспешным. Но я могу заверить молодых барышень, что я прибыл сюда настроенным на то, чтобы восхищаться ими. Сейчас я не скажу больше ничего, но, возможно, после нашего тесного знакомства...

Его речь прервало приглашение к обеду; девушки улыбнулись друг другу. Они оказались не единими объектами восторга, выражаемого мистером Коллинзом. Он тщательно осматривал, нахваливая, и гостиную, и обеденную комнату — не забыв о мебели, которая там находилась. Его восторг, возможно, и повлиял бы трогательно на чувства миссис Беннет, если бы не гнетущее предположение, что осматривает он все это как будущий хозяин. По поводу обеда он также не преминул выразить свой восторг, живо при этом поинтересовавшись, кому из его прекрасных кузин они обязаны таким замечательным кулинарным искусством. Но тут его просветила миссис Беннет, которая достаточно резким тоном объяснила, что они вполне могут нанимать хорошую кухарку и ее девушкам на кухне делать нечего. Он попросил прощения за то, что оскорбил ее. Уже мягким тоном она заявила, что вовсе не обиделась, но мистер Коллинз продолжал извиняться еще минут пятнадцать.

Раздел XIV

За обедом мистер Беннет не проронил почти ни слова, зато когда слуг отпустили, он решил, что пришло время для разговора с гостем, и начал с темы, в которой, как ему казалось, мистер Коллинз сможет показать все свое красноречие — а именно отметил, что тому очень повезло с патронессой, потому как леди Кэтрин де Бург изъявила чрезвычайную привязанность к его потребностям и заботу о его комфорте. Мистер Беннет попал прямо в точку — его гость рассыпался в похвалах своей опекунке. Разговор на эту тему сделал его манеры еще более серьезно-торжественными. С видом, полным значимости, он заявил, что никогда в жизни не видел, чтобы очень важная персона так относилась к окружающим — с такой доброжелательностью и снисходительностью, которые изъявила леди Кэтрин. Ее светлости очень понравились те две проповеди, которые он уже успел произнести в ее присутствии. Она также дважды приглашала его в Розингс на обед, а в прошлую субботу послала за ним, чтобы он составил компанию для партии в кадрили. Многие люди считали леди Кэтрин гордой, он же в ее лице встретил только доброжелательность и дружелюбие. Она относилась к нему так же, как и к

другим джентльменам, и к тому же не было никаких возражений ни против его вхождения в местное общество, ни против того, чтобы он время от времени мог покидать свой приход на неделю-другую для посещения своих родственников. Леди Кэтрин даже снисходительно посоветовала ему жениться как можно скорее — если он, конечно же, сделает расчетливый выбор, а однажды даже посетила его скромную обитель и очень одобрительно отнеслась к тем переменам, которые он там сделал, а некоторые из них соизволила предложить сама: некоторые полки в каморках наверху.

— Это так вежливо и доброжелательно с ее стороны, — сказала миссис Беннет, — она действительно женщина очень приветливая. Жаль, что в целом уважаемые дамы так мало похожи на нее в этом отношении. Она живет рядом с вами, сударь?

— От Розингс-Парка, жилища ее высочества, сад, в котором расположена моя скромная обитель, отделяет только тропинка.

— Кажется, вы сказали, сударь, что леди Кэтрин — вдова? Есть ли у нее сын или дочь?

— У нее только одна дочь, наследница Розингса и чрезвычайно крупного земельного владения.

— Вот как! — воскликнула миссис Беннет и кивнула головой. — Значит, она обеспечена гораздо лучше других девушек. А какая она? Красивая?

— Это очень очаровательная девушка. Сама леди Кэтрин говорит, что в понимании истинной красоты ее дочь намного превосходит представительниц своего пола, так как в чертах ее лица есть то, что отличает девушку благородного происхождения. К сожалению, у нее слабое здоровье, и это не дало ей возможности достичь тех успехов в образовании и воспитании, которых она достигла бы в обстоятельствах более благоприятных. Об этом я узнал от ее наставницы; она до сих пор с ними живет. Но дочь леди Кэтрин — чрезвычайно любезна; она часто изволит проезжать мимо моего скромного жилища в маленьком фаэтоне, запряженном лошадаками пони.

— Она представлена обществу? Что-то я не встречала ее имени среди придворных дам.

— К сожалению, состояние ее здоровья не позволяет ей находиться в Лондоне. Однажды я сказал леди Кэтрин, что это обстоятельство лишило британский королевский двор самого красивого украшения. Мне показалось, что эта фраза ей очень понравилась; поэтому вполне естественно, что при

каждом удобном случае я был счастлив делать маленькие изящные комплименты, которые так нравятся женщинам. Я неоднократно говорил леди Кэтрин, что ее обворожительная дочь выглядит настоящей герцогиней и что этот высокий титул украсит ее, вернее наоборот — она станет украшением этого титула. Такие маленькие проявления внимания всегда нравятся ее светлости, и они, как я надеюсь, будут оплачены во сто крат.

— И правильно надеетесь, — сказал мистер Беннет, — ваше счастье, что у вас талант к изящной лести. Позвольте спросить: а эти проявления внимания с вашей стороны вызваны мгновенными душевными порывами или вы придумываете их заранее?

— Они возникают, главным образом, в нужный момент. Иногда мне самому интересно заранее придумывать небольшие элегантные комплименты под какие-то возможные ситуации так, чтобы их можно было видоизменять в зависимости от каких-то часто повторяющихся событий. Эти комплименты я стараюсь делать с наиболее непринужденным видом.

Ожидания мистера Беннета оправдались полностью. Его двоюродный брат оказался болваном — как он и ожидал. С огромным удовольствием он прислушался к его словам, но в то же время сохранял как можно более

невозмутимое выражение лица, не желая ни с кем делиться своей радостью, — только время от времени поглядывая на Элизабет.

Пришло время чаевничать, и мистер Беннет, достаточно поутешавшись, снова с удовольствием пригласил своего гостя в гостиную, а когда чаепитие закончилось, он с не меньшим удовольствием попросил его почитать для дам вслух. Мистер Коллинз с радостью согласился; принесли книгу; но, взяв ее в руки (а все указывало на то, что та книга была из общественной библиотеки), он тут же отпрянул, извинился и заявил, что такую литературу, как романы, никогда не читает. Китти изумленно уставилась на него, а Лидия удивленно воскликнула. Достали другие книги; поэтому, несколько поколебавшись, мистер Коллинз выбрал «Проповеди» Фордайса. Лидия удивленно наблюдала, как он открыл фолиант, но не успел занудливо-торжественно прочитать и трех страниц, как она прервала его такими словами:

— А знаете, мама, дядя Филипс говорит, что прогонит Ричарда. Если он действительно это сделает, то его примет на работу полковник Форстер. Тетушка сама мне об этом сказала в субботу. Завтра я пойду в Меритон, чтобы больше об этом услышать и спросить, когда мистер Денни собирается вернуться из Лондона.

Две старших сестры набросились на Лидию,

чтобы она не болтала чего не нужно, но мистер Коллинз (очень обидевшись) отложил книгу и сказал:

— Мне часто приходилось видеть, что молодые девушки мало, очень мало интересуются книгами серьезного сорта, хотя те написаны исключительно для их же блага. Признаюсь, это меня удивляет чрезвычайно, ведь на самом деле — что может быть более полезным для молодых девушек, чем просвещение и хороший совет? Но я больше не буду надоедать моей молодой кузине.

Затем он обратился к мистеру Беннету и предложил ему сыграть с ним в триктрак. Тот принял брошенный вызов, отметив при этом, что мистер Коллинз сделал мудро, оставив девушек с их мелочными заботами и радостями. Миссис Беннет и дочери тщательно и вежливо извинялись за бестактность Лидии и обещали, что этого больше не повторится, если он снова возьмется за книгу; но мистер Коллинз заверил их, что не держит зла на свою юную кузину и не считает ее поведение оскорбительным, а затем уселся с мистером Беннетом за другой стол и приготовился к игре в карты.

Раздел XV

Мистер Коллинз не был умным человеком, и образованию, и воспитанию лишь незначительно удалось скрыть его врожденный порок. Большую часть своей жизни он провел под наблюдением очень скупого невежды-отца; а получая университетское образование, просто отбывал очередь, а полезных знакомств нажить не смог. Смирение, в котором его воспитал отец, еще с детства определило кротость его манер, но теперь ему мощно противодействовало присущее людям недалеким и одиноким тщеславие, которое сочеталось с амбициозными надеждами на быстрое и внезапное богатство. Счастливый случай свел его с леди Кэтрин де Бург, когда в Гансфордском приходе освободилось место священника. Уважение, которое он испытывал к ее высокому положению, благоговение перед ней как перед своей покровительницей, в сочетании с крайне высоким мнением о себе, о своем авторитете духовного лица и о своих пасторских полномочиях — все это превратило его в человека, в котором напыщенность сочеталась с раболепием, высокомерие — с кротостью.

Обеспечив себе хорошее жилище и приличное состояние, мистер Коллинз теперь намеревался

жениться, поэтому, стремясь к примирению с Лонгбернской семьей, на самом деле он стремился заполучить себе жену, ее хотел выбрать среди дочерей миссис Беннет, если те покажутся ему такими же красивыми и приветливыми, какими их изображала молва. Вот это он и имел в виду под возмещением (или компенсацией) за унаследование поместья отца. Этот план он считал чрезвычайно удачным и для всех приемлемым, и вообще — шагом бескорыстным и благородным со своей стороны.

После знакомства с девушками план мистера Коллинза не изменился. Хорошенькое лицо старшей дочери — Джейн — подтвердило его ожидания и укрепило присущее ему суровое представление обо всем, что касается старшинства; поэтому в первый вечер он остановил свой выбор именно на ней. Однако на следующее утро в намерения пришлось внести некоторые изменения, потому что в течение пятнадцатиминутной беседы один на один с миссис Беннет перед завтраком — разговора, начавшегося с пасторского дома мистера Коллинза, а приведшего, естественно, к его откровенному признанию в намерениях выбрать его хозяйку из Лонгбернских девушек, — оказалось, что миссис Беннет, несмотря на свои доброжелательные улыбки и поощрения по поводу этой затеи вообще, не желает, чтобы именно Джейн

он выбрал на роль хозяйки в своем доме. Касательно младших дочерей она ничего не берется говорить, потому что об их симпатии ничего точно не знает, однако относительно старшей дочери считает своим долгом заявить, что вскоре состоится ее помолвка.

Поэтому у мистера Коллинза возникла необходимость поменять Джейн на Элизабет, что он достаточно быстро сделал при активном поощрении со стороны миссис Беннет. Элизабет, лишь немного уступая Джейн по возрасту и красоте, вполне естественно заняла место последней.

Такие намерения бывшего врага показались миссис Беннет неоценимым сокровищем, и у нее появилась надежда, что она вскоре сможет выдать замуж двух своих дочерей. Вот так и получилось, что человек, имя которого еще вчера наводило на нее ужас, стал для нее чуть ли не любимцем.

О намерении Лидии пойти пешком в Меритон не забыли: все сестры, кроме Мэри, согласились пойти вместе с ней. Сопровождать их должен был мистер Коллинз, причем по просьбе мистера Беннета, ибо тому уже хотелось как можно скорее от него избавиться и распоряжаться в своей библиотеке самому. Дело в том, что мистер Коллинз последовал за ним туда после завтрака и там и остался — вроде просматривая один из

крупнейших фолиантов в собрании, а на самом деле почти непрерывно болтая о своем доме и саде в Гансфорде. Такое его поведение огорчило мистера Беннета чрезвычайно. Он всегда был убежден, что в своей библиотеке найдет и утешение, и отдых; как-то раз мистер Беннет сказал Элизабет, что готов встретить глупость и тщеславие в любой комнате дома, но знает, что в библиотеке всегда сможет их избежать. Поэтому он не медлил и радушно предложил мистеру Коллинзу сопровождать его дочерей во время их прогулки. Поскольку же мистеру Коллинзу всегда больше нравилось ходить, чем читать, то он с огромным удовольствием закрыл огромный фолиант и присоединился к девушкам.

Мистер Коллинз высокопарно говорил разные благоглупости, его кузины вежливо с ними соглашались — вот так и прошло время в пути, а вскоре они пришли в Меритон. И сразу же девушки перестали обращать на него внимание. Глаза забегали туда-сюда по улице, выискивая офицеров, и единственное, что могло оторвать их от этого занятия, был какой-то действительно очень привлекательный чепчик или невиданно хороший муслин в витрине магазина.

Но вскоре вниманием всех девушек завладел чрезвычайно благородный молодой человек, которого они никогда раньше не видели и который

шагал через дорогу с каким-то офицером. Офицер оказался тем самым мистером Денни, о приезде которого из Лондона и пришла спросить Лидия; проходя мимо, он поклонился. Всех девушек поразил внешний вид незнакомца, всем им хотелось знать, кто он такой. Китти и Лидия, пытаясь об этом узнать, первыми пересекли улицу, как будто желая что-то приобрести в магазине напротив. Им повезло — как только они ступили на тротуар, эти два джентльмена повернули назад и таким образом оказались рядом с ними. Мистер Денни сразу же с ними поздоровался и попросил разрешения представить своего друга, мистера Викхема, который вместе с ним вернулся вчера из Лондона и о котором он имел удовольствие сообщить, что тот недавно получил офицерский чин в их армии. Лучше и быть не могло, потому что единственное, чего не хватало мистеру Викхему для неотразимой привлекательности, — это военного мундира. Его внешний вид был привлекательным до чрезвычайности: у него было очень красивое лицо с тонкими чертами, он был хорошо сложен и обладал удивительно приятными манерами. После знакомства мистер Викхем с радостью изъявил готовность к разговору — готовность и уместную, и ненавязчивую; поэтому вся компания так и стояла, любезно переговариваясь, когда всеобщее внимание привлек стук копыт: верхом на лошадях

на улице появились Дарси и Бингли. Увидев среди компании знакомых девушек, эти два джентльмена подъехали непосредственно к ним и начали с выражения любезностей. Основным говорящим был Бингли, а основным объектом разговора — мисс Беннет. Он сказал, что как раз собирался в Лонгберн, чтобы спросить, как она себя чувствует. Подтвердив эти слова вежливым кивком головы, мистер Дарси уже начал было упорно избегать смотреть на Элизабет, как вдруг увидел незнакомца. Сама же Элизабет, от взора которой не ускользнуло изменение выражения их лиц, когда они увидели друг друга, была чрезвычайно поражена тем эффектом, который произвела эта встреча на каждого из них. Цвет их лиц изменился: одно покраснело, второе — побледнело. Прошло несколько мгновений — и мистер Викхем притронулся к шляпе, а мистер Дарси на приветствие едва соизволил ответить. Что бы все это значило? Догадаться было невозможно, как невозможно было и не желать об этом узнать.

Мистер Бингли сделал вид, что ничего не заметил, и через мгновение они с приятелем попрощались и уехали.

Мистер Денни и мистер Викхем провели девушек до двери дома мистера Филипса, а затем откланялись и ушли, несмотря на энергичное приглашение в гости со стороны мисс Лидии и

даже несмотря на громкую поддержку этого приглашения со стороны миссис Филипс, которую она высказала, открыв окно в гостиной.

Миссис Филипс всегда радушно встречала своих племянниц; особенно она была рада встретить сейчас двух старших из-за их длительного отсутствия и эмоционально выражала свое удивление по поводу их внезапного возвращения домой, так как карету за ними не посылали. Она так ничего об этом и не узнала бы, если бы случайно не встретила на улице мальчика из аптеки Джонса, который сказал, что им уже не надо посылать лекарства в Недерфилд, потому что сестры Беннет уже оттуда уехали. В этот момент Джейн представила миссис Филипс мистера Коллинза, и той пришлось уделить ему все должное внимание. Приветствовала она его со всей учтивостью, на которую была способна, он же проявил при этом вежливость не меньше, если не больше, и, извиняясь за свой неожиданный приход без предварительного знакомства с ней, сказал, однако, что тешит себя мыслью об оправданности такого своего шага, потому что приходится родственником тем девушкам, которые представлены ей. Миссис Филипс была просто удивлена проявлением такого хорошего воспитания, но ее разглядывание незнакомца было вскоре прервано криками восторга и расспросами о

незнакомце ином, о котором она, однако, только и могла сказать своим племянницам то, о чем они уже и так знали: мистер Дэнни привез его из Лондона, и он собирается вскоре получить чин лейтенанта в Н-ском полку. Миссис Филипс сказала, что в течение последнего часа только и делала, что наблюдала, как он ходил по улице; и если бы мистер Викхем явился снова, то Китти и Лидия тоже непременно занялись бы наблюдением, но, увы — никто под окнами так и не появился, кроме нескольких офицеров, которым по сравнению с незнакомцем суждено было стать «слабоумными и неприятными субъектами». Некоторые из них должны были обедать у Филипс на следующий день, поэтому тетушка Филипс пообещала, что когда семья из Лонгберна приедет вечером, то она уговорит своего мужа, чтобы тот зашел к мистеру Викхему и тоже его пригласил. На этом и сошлись, а миссис Филипс добавила, что их ждет веселая и шумная игра в лотерею, а после — легкий ужин с горячими блюдами. Перспектива такого веселья выглядела чрезвычайно бодрящей, поэтому все они расстались в хорошем настроении. Выходя из комнаты, мистер Коллинз снова начал извиняться, а хозяйка с неизменной любезностью вновь заверила его в полной ненужности таких извинений.

По дороге домой Элизабет рассказала Джейн о том, что произошло между двумя джентльменами,

но Джейн, несмотря на свою склонность защищать каждого из них в отдельности или обоих вместе, если бы они были неправы, тоже, как и сестра, не могла найти должного объяснения такому поведению.

По возвращении мистер Коллинз утешил миссис Беннет своей чрезвычайно высокой оценкой манер миссис Филипс и ее вежливости. Он заявил, что, кроме леди Кэтрин и ее дочери, никогда не встречал женщины более изысканной, потому что она не только приняла его очень вежливо, но даже специально внесла его в список приглашенных, хотя до сих пор он был для нее полным незнакомцем. По его мнению, частично это объяснялось тем, что они родственники, но никогда в жизни с ним не поступали так любезно.

Раздел XVI

Поскольку никаких возражений относительно договоренности девушек с их тетей высказано не было, а угрызения совести мистера Коллинза по поводу того, что на один вечер он оставит в одиночестве мистера и миссис Беннет, были решительно развеяны, то в подходящее время кучер доставил его и пятерых кузин в Меритон. Войдя в гостиную, девушки с удовольствием для себя услышали, что мистер Викхем принял приглашение

их дяди и уже прибыл.

После того, как прозвучало это сообщение, и после того, как все заняли свои места, у мистера Коллинза было достаточно свободного времени, чтобы осмотреться вокруг и выразить свое восхищение увиденным. Размеры помещения и мебель в нем поразили его чрезвычайно, поэтому он заявил, что чувствует себя, как в небольшой летней гостиной поместья Розингс. Такое сравнение изначально не вызвало большого энтузиазма, но когда миссис Филипс узнала, что такое Розингс и кто был его владельцем, когда она выслушала описание лишь одной из гостиных леди Кэтрин и узнала, что только одна каменная полка обошлась в восемьсот фунтов, она поняла всю силу такого комплимента и готова была согласиться, чтобы ее гостиную сравнили с комнатой экономки в имении Розингс.

Так мистер Коллинз и описывал ей все величие леди Кэтрин и ее имения, лишь изредка отвлекаясь для славословия в адрес своего скромного жилища и выполняемых в нем переделок, пока это приятное занятие не остановило появление приглашенных в гости мужчин. В лице миссис Филипс он нашел очень внимательную слушательницу, чье высокое мнение о нем стало еще выше по мере того, что она от него слышала, и которая намеревалась обо всем этом рассказать соседям как можно скорее. Девушкам,

которых тошнило от разговоров их кузена и которым больше ничего не оставалось, как стремиться поиграть на фортепиано и созерцать собственные посредственные имитации китайской живописи на каминной полке, этот заполненный ожиданием перерыв показался вечностью. Однако наконец появились мужчины, и перерыв закончился. Когда в комнату вошел мистер Викхем, Элизабет почувствовала, что видела его раньше и думала о нем потом с каким-то беспричинным увлечением. Офицеры Н-ского полка и так были очень достойным и благородным обществом, а в нынешнюю компанию входили лучшие из них, но мистер Викхем так же сильно преобладал над ними своим характером, внешностью, манерами и походкой, как и остальные офицеры превосходили широкомордого и занудного мистера Филипса, вошедшего вслед за ними в комнату и от которого несло портвейном.

Мистер Викхем был тем счастливым, к которому тянулись взгляды почти каждой представительницы прекрасного пола, а Элизабет была той счастливицей, возле которой он в конце концов сел; а та приятная манера, в которой он немедленно начал разговор (хотя речь шла лишь о слякотной ночи и возможности наступления дождливой погоды), натолкнула ее на мысль, что в устах опытного говорящего даже банальная,

скучная и самая избитая тема может стать чрезвычайно интересной.

Когда у прекрасного пола появились такие поклонники, как мистер Викхем и другие офицеры, мистеру Коллинзу не оставалось ничего иного, как упасть в забвение, потому что для девушек он действительно был пустым местом; но время от времени он находил себе благодарную слушательницу в лице миссис Филипс и благодаря ее бдительности и вежливости, а также щедро поставляемых ему кофе и булочек.

Когда же принесли карточные столы, у него появилась возможность отблагодарить ее, составив компанию для игры в вист.

— Пока я плохо разбираюсь в этой игре, — сказал он, — но с радостью улучшу свое умение, потому что мои жизненные обстоятельства...

Миссис Филипс была очень благодарна ему за то, что он согласился, но не ждала, пока он объяснит, почему он это сделал.

Мистер Викхем не стал играть в вист, и поэтому был с радостью принят за другим столом, заняв место между Элизабет и Лидией. Сначала казалась вероятной угроза, что его вниманием полностью завладеет Лидия, потому что она говорила больше других, но лотерея нравилась ей не меньше, чем общение, поэтому вскоре она слишком заинтересовалась игрой, слишком

эмоционально делала ставки и выкрикивала после выигрыша, чтобы ее внимания хватало еще на какую-то конкретную личность. Благодаря тому, что все были заняты игрой, мистер Викхем получил возможность поговорить с Элизабет, а она слушала его с большим вниманием, хотя вряд ли могла рассчитывать услышать то, что ей хотелось, а именно: историю его знакомства с мистером Дарси. О последнем господине она даже не смела напомнить. Однако неожиданно ее любознательность оказалась удовлетворенной, поскольку мистер Викхем сам начал разговор на эту тему. Он поинтересовался расстоянием между Недерфилдом и Меритонем, а получив ответ, каким-то неуверенным тоном спросил, долго ли мистер Дарси там находится.

— Где-то около месяца, — ответила Элизабет, а затем, не желая, чтобы разговор на эту тему прекратился, добавила: — Насколько я поняла, он является владельцем очень большого имения в Дербишире.

— Да, — ответил Викхем, — там у него прекрасный особняк. Десять тысяч чистой прибыли в год. В моем лице вы встретили человека, способного предоставить полную информацию по этому поводу, потому что с его семьей я имел несколько необычные отношения с самого детства.

Элизабет не смогла скрыть своего удивления.

— Вас, мисс Беннет, такое заявление может удивить, особенно после того, как сегодня утром вы могли стать свидетелем той холодности, с которой мы встретились вчера. Вы хорошо знакомы с мистером Дарси?

— Достаточно хорошо, чтобы не желать продолжения знакомства, — порывисто воскликнула Элизабет. — Четыре дня я провела с ним в одном доме и считаю его человеком крайне неприятным.

— Я не имею права высказывать свою точку зрения, — сказал Викхем, — о том, приятный он или наоборот. Я знал его слишком хорошо и слишком долго, чтобы быть справедливым судьей. Лично я не могу быть беспристрастным. Но мне кажется, что ваше мнение о нем неприятно удивит многих людей — может, не стоит выражать его так откровенно в любом другом месте, потому что здесь вы все-таки находитесь в семейном кругу.

— Поверьте, здесь я говорю не больше, чем могу позволить себе в любом доме нашей округи, кроме Недерфилда. В Гертфортшире его никто не любит. Его тщеславие у всех вызывает отвращение. Вряд ли вы встретите человека, который бы высказывался о нем более положительно, чем я.

— Не буду делать вид, будто я жалею, что он или кто-то другой оцениваются не выше, чем они того заслуживают; но лично ему такая завышенная

оценка и не угрожает. Общество просто ослеплено его богатством и значимостью или боится его высокомерных и навязчивых манер и готово видеть в нем то, что он сам желает.

— Даже моего поверхностного знакомства с ним было достаточно для вывода, что он — человек с плохим характером.

В ответ на это Викхем только покачал головой.

— Интересно, — спросил он при следующей возможности вставить слово, — а долго он здесь собирается пробыть?

— Я ничего об этом не знаю, но когда была в Недерфилде, то не слышала ничего о его возможном отъезде. Надеюсь, что ваши планы остаться в Н-ском полку не будут зависеть от пребывания мистера Дарси в нашей округе?

— Никоим образом! Я — не тот человек, которого присутствие мистера Дарси вынудит к отъезду. Сам пусть уезжает, если ему не нравится меня видеть! Мы с ним не друзья, и мне всегда неприятно с ним встречаться, но у меня нет иной причины избегать его, кроме той, о которой можно громко заявить всем: это ощущение совершенной в отношении меня большой несправедливости и крайне болезненные сожаления по поводу того, какой он есть. Мисс Беннет, его отец — покойный мистер Дарси — был одним из тех хороших людей,

которые встречаются очень редко, и моим самым преданным другом. Каждый раз, находясь в обществе нынче здравствующего мистера Дарси, я не могу без нежной грусти вспоминать о его отце. Его отношение ко мне было позорным; но я уверен, что смогу простить ему все, и никогда не прощу, если он не оправдает надежд своего отца и опозорит память о нем.

Интерес Элизабет к этой теме возрос еще больше, она слушала мистера Викхема с огромным вниманием, и в то же время эта тема была очень деликатной, что и помешало дальнейшим расспросам.

Мистер Викхем перешел к другим предметам разговора, заговорив о Меритоне, округе, местном обществе; казалось, что увиденное и услышанное очень ему понравилось, а о последнем он отзывался с ненавязчивой, но достаточно выразительной галантностью.

— Именно перспектива иметь постоянное общество — и хорошее общество — побудила меня вступить в Н-ский полк, — добавил он. — Я знал, что это респектабельное и приемлемое для меня формирование, а мой друг Денни соблазнил меня еще больше, рассказав о месте его нынешнего расквартирования и о том внимании, которым окружили офицеров в Меритоне их новые знакомые. По правде говоря, без общества я не

могу. Жизнь обошлась со мной жестоко, и поэтому мои нервы не выдерживают одиночества. Я не собирался посвящать свою жизнь военной службе, но обстоятельства сложились так, что она стала для меня приемлемой. На самом деле моей профессией является служение Богу — я получил соответствующее образование и воспитание и в настоящее время должен был уже быть священником очень богатого прихода, если бы на то было желание джентльмена, о котором мы только что говорили.

— Вот это да!

— Это действительно так: покойный мистер Дарси завещал мне преемственность в лучшем приходе из тех, которые были в его ведении. Он был моим крестным отцом и очень меня любил. Я буду вечно благодарен ему за его доброту. Он хотел щедро обеспечить мне безбедное существование и был уверен, что ему это удалось. Но когда в приходе освободилось место священника, то вакансию отдали кому-то другому.

— О Господи! — воскликнула Элизабет. — Но как такое могло случиться? Как можно было пренебречь его завещанием? И почему вы не отстаивали свое право через суд?

— В пунктах завещания неопределенности было как раз достаточно для того, чтобы лишить меня всякой надежды на помощь со стороны

закона. У честного человека не возникло бы никаких сомнений относительно намерений покойного, но у мистера Дарси такие сомнения возникли, и он отнесся к завещанию как к рекомендации, которая имеет силу только при определенных условиях, утверждая, что я потерял право на приход из-за расточительства, безрассудства, короче говоря, завещание можно было трактовать как мне на пользу, так и во вред мне. Ясно, что когда два года назад в приходе освободилось место священника — а я по возрасту как раз имел право его занять — его отдали другому человеку. Не менее ясно и то, что я не могу упрекнуть себя за совершение чего-то действительно серьезного, что могло бы лишит меня права на это место. У меня эмоциональный и несдержанный характер, и поэтому я действительно мог слишком свободно высказать свое мнение о нем ему самому или кому-то другому. Ничего худшего со своей стороны я вспомнить не могу. Но дело заключается в том, что мы с ним очень разные люди и что он меня терпеть не может.

— Какой кошмар! Мистер Дарси заслуживает публичного осуждения.

— Когда-то это произойдет — рано или поздно, но лично я не буду к этому иметь никакого отношения. Пока я помню его отца, я не буду осуждать и разоблачать мистера Дарси.

Элизабет отдала должное такому благородству чувств мистера Викхема, после высказывания которых он показался ей еще более красивым, чем раньше.

— Но в чем заключалась причина такого его поведения, — спросила она после короткой паузы, — что его побудило к такой жестокости?

— Полная и непримиримая антипатия ко мне, антипатия, которую я могу объяснить только чем-то вроде ревности. Если бы я нравился покойному мистеру Дарси в меньшей степени, то сын его еще как-то меня терпел бы; но, видимо, его с детства раздражала и большая симпатия, которую проявлял ко мне его отец. У него не хватило терпения выдерживать те соревновательные условия, в которых мы оказались, и то преимущество, которое часто отдавал мне покойный мистер Дарси.

— Не думала я, что мистер Дарси такой противный, хотя он никогда мне не нравился. Раньше я была о нем не такого плохого мнения — я предполагала, что он презирает людей вообще, но не подозревала, что он способен опуститься до такой злобной мести, такой несправедливости, такой жестокости!

Однако, подумав, она через некоторое время продолжила:

— Но помню, как когда-то в Недерфилде он хвастался неизменностью своего плохого

впечатления о ком-то, своим не способным к прощению нравом. Видимо, характер у него просто ужасный.

Я не вправе высказываться на эту тему, — сказал Викхем, — потому что лично я не могу относиться к мистеру Дарси беспристрастно. Элизабет снова погрузилась в размышления, а потом воскликнула:

— Разве можно так относиться к крестному родственнику, другу, любимцу своего отца, ей очень хотелось добавить: «И разве можно плохо относиться к молодому человеку с такой привлекательной, как у вас, внешностью» — но она ограничилась таким замечанием: — И разве можно плохо относиться к тому, кто, наверное, был ему другом с самого детства, к тому же, как вы говорите, другом очень близким!

— Мы родились в одном приходе, в одной округе. Большую часть детства мы провели вместе: жили в одном и том же доме, вместе играли в одни и те же игры, родители в равной степени о нас заботились. Мой отец начал свою самостоятельную жизнь на том же поприще, на котором мистер Филиппс, кажется, достиг значительных успехов; но потом оставил все ради того, чтобы стать помощником покойного мистера Дарси и посвятить все свое время заботам о поместье Пемберли. Он был чрезвычайно близким и надежным другом

мистера Дарси, и тот очень его уважал и высоко ценил. Мистер Дарси часто выражал безграничную благодарность моему отцу за умелое управление его делами. Поэтому когда незадолго до смерти он вполне сознательно и добровольно пообещал обеспечить мое будущее, то тем самым он выразил не столько свою симпатию ко мне, сколько признание заслуг моего отца перед ним.

— Это так странно! — воскликнула Элизабет. — Какой кошмар! Это просто отвратительно! Как же это всем известная надменность мистера Дарси не заставила его поступить справедливо по отношению к вам?! Кроме других мотивов, от непорядочности его должна была удержать хотя бы гордость и самоуважение, потому что его поступок только нечистоплотностью и можно назвать.

— Это действительно странно, — ответил Викхем, — потому что почти всеми его поступками движет надменность, которая стала его второй натурой. Ни одно чувство не сроднило его с добродетелью так близко, как надменность. Но люди — создания непоследовательные, поэтому в своем поведении со мной он руководствовался побуждениями более сильными, нежели надменность.

— И пригодились ли оно когда-нибудь ему — это его отвратительное тщеславие?

— Да, пригодилось. Оно часто принуждало его к снисходительности и щедрости: он легко расставался с деньгами, когда его просили, проявлял гостеприимство, поддерживал своих арендаторов и помогал бедным. Побуждением к этим поступкам была его семейная гордость и гордость сыновья, потому что он очень гордится своим отцом. Не опозорить публично свою семью, не отступить от общепринятых правил, сохранить весомость имени Пемберли в обществе — это мотив чрезвычайно мощный. Кроме этого, у него есть еще и братская гордость, которая, в сочетании с определенными братскими симпатиями, делает его чрезвычайно чутким и бдительным охранником собственной сестры; вы еще услышите, что все восхваляют его как чрезвычайно заботливого брата — лучшего и не сыскать!

— А что за девушка мисс Дарси?

Мистер Викхем покачал головой.

— К сожалению, я не могу назвать ее приятной. Не хотелось бы говорить плохо о ком-либо из семьи Дарси, но она очень похожа на своего брата — надменная, очень гордая. В детстве она была очень нежной и приветливой девочкой, а во мне просто души не чаяла; я мог играть с ней часами. А сейчас она для меня — чужой человек. Это красивая девушка лет пятнадцати-шестнадцати; насколько я знаю — очень хорошо образована и

воспитана. С тех пор, как умер ее отец, она живет в Лондоне; с ней — гувернантка, которая занимается ее воспитанием.

После многочисленных пауз и попыток поговорить на другие темы Элизабет не могла не вернуться к их первой теме и сказала:

— Меня так удивляет его дружба с мистером Бингли! Как может мистер Бингли с его, казалось бы, приветливым характером, и который и есть сама приветливость, дружить с таким человеком? Что же держит их вместе? Вы хорошо знаете мистера Бингли?

— Я совсем его не знаю.

— Это — хороший, дружелюбный и обаятельный человек. Видимо, он просто не знает, какой фрукт этот мистер Дарси.

— Возможно, и не знает, потому что мистер Дарси способен быть приятным тогда, когда ему это нужно. У него такого умения хватает. Он может быть приятным и легким в общении компаньоном, если сочтет это нужным. С равными себе по общественному положению он ведет себя совсем по-другому, чем с людьми менее влиятельными и богатыми. Его надменность всегда при нем, но с богатыми он — снисходительно-либеральный, справедливый, рассудительный, благородный, а иногда даже дружелюбный — в зависимости от состоятельности и положения его собеседника.

Вскоре компания, игравшая в вист, распалась, и ее бывшие участники собрались вокруг второго стола, причем мистер Коллинз оказался между своей кузиной Элизабет и миссис Филипс. Последняя из вежливости поинтересовалась его достижениями в игре. Они оказались неважными — он проиграл в каждой партии. Когда же миссис Филипс начала высказывать по этому поводу обеспокоенность, он попросил ее не беспокоиться и с неподдельной эмоциональностью серьезно заверил ее, что это не имело никакого значения, потому что проигранные деньги для него — не стоящая внимания мелочь.

— Госпожа, — сказал он, — я очень хорошо знаю, что когда играют в карты, такое может случиться с любым; к счастью, мои обстоятельства не столь затруднительные, чтобы пять шиллингов много для меня значили. Конечно же, не каждый может этим похвастаться, и благодаря леди Кэтрин де Бург я навсегда избавлен от необходимости смущаться по поводу таких мелочей.

Этот разговор привлек внимание мистера Викхема. Некоторое время он наблюдал за мистером Коллинзом, а потом тихо спросил у Элизабет о степени близости отношений между ее родственником и семьей де Бург.

— Леди Кэтрин де Бург, — ответила Элизабет, — недавно наделила его приходом. Не

знаю, как мистер Коллинз впервые попал ей на глаза, но можно с уверенностью утверждать, что познакомились они недавно.

— Вы, наверное, знаете, что леди Кэтрин де Бург и леди Энн Дарси были сестрами; и, соответственно, она является тетей ныне живущего и здравствующего мистера Дарси?

— Нет, не знала. О родственных связях леди Кэтрин я вообще ничего не знала. О ее существовании узнала же только позавчера.

— Ее дочь, мисс де Бург, будет иметь большое приданое; все считают, что они поженятся со своим кузеном и таким образом их брак объединит эти два имения.

Услышав это, Элизабет улыбнулась, потому что ей вспомнилась бедная мисс Бингли. Беспольными суждено стать всем ее ухаживаниям, бесполезными и ненужными окажутся ее дружба с сестрой мистера Дарси и похвала в его адрес, если он уже решил жениться на другой.

— Мистер Коллинз, — сказала Элизабет, — высокого мнения о леди Кэтрин и о ее дочери; но некоторые подробности из рассказов о ее светлости наводят меня на мысль, что благодарность, которую он к ней испытывает, вводит его в заблуждение и что на самом деле она является женщиной гордой и тщеславной.

— Кажется, что в значительной степени так

оно и есть: леди Кэтрин действительно женщина гордая и тщеславная, — ответил Викхем. — Я не видел ее уже много лет, но хорошо помню, что мне она никогда не нравилась и манеры ее всегда были властными и пренебрежительно-напыщенными. У нее репутация женщины расчетливой и разумной, но думаю, что частично это объясняется ее положением и богатством, частично — безапелляционными манерами и частично — надменностью ее племянника, который считает, что все его родственники непременно должны быть людьми исключительно умными.

Элизабет согласилась с таким рациональным объяснением, и так они и продолжали с удовольствием для себя разговаривать, пока ужин не положил конец игре в карты, дав возможность мистеру Викхему уделить внимание и другим дамам. Во время шумного ужина, который организовала миссис Филипс, завязать разговор было почти невозможно, но его манеры всем очень понравились. Что бы он ни говорил, все получалось хорошо и уместно; что бы он ни делал, все было изысканным и галантным. Когда Элизабет поехала домой, ее мысли были только им и заняты. По дороге она только и думала о мистере Викхеме и о том, что он ей рассказал, но не могла ни слова о нем сказать, потому что Лидия и мистер Коллинз болтали без умолку. Лидия, не останавливаясь,

говорила о лотерее и о фишках, которые она выиграла или проиграла, а мистер Коллинз, увлеченный вежливостью мистера и миссис Филипс, заявлял, что ему безразличны проигранные в вист деньги, вспоминал блюда, которые подали на ужин, и постоянно беспокоился, не тесно ли его кухне с ним сидеть. Он хотел сказать гораздо больше, чем ему удалось, но не смог, потому что карета наконец остановилась перед именем Лонгберн.

Раздел XVII

На следующий день Элизабет рассказала Джейн все, о чем разговаривала с мистером Викхемом. Джейн слушала ее с удивлением и смущением: она никак не могла поверить, что мистер Дарси был настолько недостойным дружбы мистера Бингли. Однако не в ее характере было ставить под сомнение правдивость молодого человека такой приятной наружности, как мистер Викхем. Одной возможности того, что он получил такую несправедливость, было достаточно, чтобы возбудить все ее добрые чувства; и поэтому ей ничего не оставалось делать, как думать хорошо о них обоих и защищать поведение каждого из них, объясняя случайностью или ошибкой то, что иначе объяснить было невозможно.

— Скорее всего, — сказала она, — их каким-то образом ввели в заблуждение, но как именно — догадаться невозможно. Пожалуй, заинтересованные лица способствовали созданию у каждого из них неправильного представления друг о друге. Короче говоря, сейчас мы не можем делать догадки о причинах такой взаимной враждебности таким образом, чтобы при этом не обвинить кого-то из них.

— Истинная правда; а теперь, дорогая Джейн, скажи что-нибудь в защиту тех заинтересованных лиц, которые могли сыграть немалую роль в этом деле! Оправдай и их, пожалуйста, а то нам придется иметь кое о ком плохое мнение.

— Можешь смеяться надо мной сколько угодно, но твои насмешки не заставят меня изменить свое мнение. Дорогая моя Лиззи, ты только представь себе, в каком невыгодном свете это выставляет мистера Дарси, если он действительно поступил с любимцем своего отца таким образом, с человеком, которого тот обещал обеспечить материально. Нет, это просто невозможно! На это не способен ни один человек, который имеет хоть какую-то душевную доброту, хоть какое-то уважение к себе. Разве могут его ближайшие друзья так ужасно в нем ошибаться?! Нет-нет!

— Я скорее поверю, что мистер Бингли

ошибается в нем, чем в то, что мистер Викхем просто придумал эту историю, которую он поведал мне вчера вечером: имена, факты — все-все, о чем он рассказал без особых церемоний. Если это не так, то пусть мистер Дарси опровергнет ее. Кроме того, его рассказ выглядел очень правдоподобным.

— Это так трудно понять... все это так угнетает... Не знаю даже, что и думать.

— Извини, но я точно знаю, что думать.

И Джейн могла с уверенностью думать только об одном: если мистер Бингли действительно ошибается относительно мистера Дарси, то ему будет крайне неприятно, когда об этом деле станет известно широкой общественности.

Две девушки вынуждены были покинуть кустарниковые насаждения, во время прогулки среди которых и состоялся этот разговор, потому что прибыли некоторые из тех людей, о которых во время этого разговора шла речь: мистер Бингли приехал со своими сестрами, чтобы передать личные приглашения на давно ожидаемый бал в Недерфилде, который должен был состояться в следующий вторник. Две его спутницы были очень рады встретить свою дорогую подругу и наперебой расспрашивали, как она чувствовала себя после отъезда. Остальных членов семьи они вниманием не баловали, миссис Беннет избегали как могли, с Элизабет разговаривали мало, а с другими не

общались вообще. Вскоре они уехали, вскочив со своих мест так быстро, что этим застали своего брата врасплох, и пошли прочь так поспешно, как пытались избежать проявлений вежливости со стороны миссис Беннет.

Для каждой женщины в семье Беннетов перспектива бала в Недерфилде была чрезвычайно приятной. Миссис Беннет хотелось верить, что этот бал устраивается в честь ее старшей дочери; особенно ее радовало, что приглашение она получила от мистера Бингли персонально, а не по чисто формальной карточке. Джейн представляла себе, как счастливо проведет она вечер в обществе двух своих подруг, окружена вниманием их брата. Элизабет с удовольствием думала о том, как много она будет танцевать с мистером Викхемом, и о том, что рассказ последнего подтвердится и видом, и поведением мистера Дарси. Радость, которую предчувствовали Кэтрин и Лидия, меньше зависела от конкретного события или конкретного лица, хотя обе они, как и Элизабет, мечтали протанцевать половину вечера с мистером Викхемом, последний отнюдь не был для них единственным привлекательным партнером, потому что бал на то и бал, чтобы таких партнеров было много. И даже Мэри — и та уверяла свою семью, что не имеет ничего против такого мероприятия.

— Утром вполне достаточно времени, чтобы

заниматься тем, чем хочу, — сказала она. — Так что, думаю, мне не повредит, если время от времени я буду участвовать в вечерних развлечениях. У всех нас есть определенные общественные обязанности; и я считаю себя одной из тех, кто смотрит на туристические и развлекательные перерывы как на являющиеся желательными для всех и каждого.

В ожидании бала настроение Элизабет улучшилось настолько, что ей — хотя она и не привыкла обращаться к мистеру Коллинзу без особой на то необходимости — все время хотелось спросить его, не собирается ли он случайно принять приглашение мистера Бингли, а если собирается, то не считает ли он уместным присоединиться к вечерним развлечениям. К своему удивлению, она узнала, что мистер Коллинз никаких угрызений совести по этому поводу не испытывает и совсем не боится получить выговор ни от архиепископа, ни от леди Кэтрин де Бург за то, что осмелится пойти на танцы.

— Уверяю вас, — сказал он, — я вовсе не считаю, что бал, который устраивает знатный молодой человек для уважаемых людей, имеет какое-то греховное направление; и я настолько далек от мысли запретить танцы самому себе, что надеюсь в течение вечера удостоиться чести потанцевать со всеми моими прекрасными

кузинами, теперь же воспользуюсь возможностью и попрошу вас, мисс Элизабет, оказать милость и подарить мне первые два танца. Надеюсь, мисс Джейн поймет, что такое преимущество я делаю в интересах дела, а не из неуважения к моей старшей кузине.

Элизабет поняла, что сама себя заманила в ловушку. Она уже не сомневалась, что именно на эти первые два танца ее пригласит мистер Викхем — а тут мистер Коллинз откуда-то взялся! Никогда ранее ее хорошее настроение не приводило к таким плохим последствиям. Однако помочь было нечем. Учитывая непреодолимую силу обстоятельств, приятные эмоции свои и Викхема пришлось немного отсрочить, а приглашение мистера Коллинза принять с особой вежливостью. Элизабет вовсе не была в восторге от его элегантного намека на то, что он приглашает ее на танец не просто так, потому что ее осенило, что именно ее мистер Коллинз выбрал из всех сестер как достойную стать хозяйкой пасторского дома в Гансфорде, которой (в случае отсутствия более важных гостей) придется составлять компанию для партии в кадриль. Эта догадка вскоре переросла в убеждение, поэтому Элизабет обратила внимание на его усиленную вежливость в обращении с ней и на его частые попытки сделать комплимент ее сообразительности и живости, хотя ее подобные проявления симпатии

скорее не радовали, а смущали и удивляли. А тут еще и матушка ее не стала медлить и намекнула, что очень обрадовалась бы, если бы они с мистером Коллинзом поженились. Однако Элизабет сделала вид, что не поняла намека, хорошо зная, что следствием какого-либо ответа будет серьезная ссора. Мистер Коллинз мог и не сделать предложение, а пока собирался с духом, спор по этому поводу был бы пустой тратой времени.

Если бы не разговоры о недерфилдском бале и не приготовление к нему, то младшим сестрам Беннет пришлось бы трудно, потому что все время (начиная со дня получения приглашения по тот день, когда должен был состояться бал) шли такие частые дожди, что девушки ни разу не смогли выбраться в Меритон. Ни тетушки, ни офицеров, ни новостей — делать было абсолютно нечего; украшения для туфель, в которых они собирались танцевать в Недерфилде, — и те принесли на заказ.

Даже Элизабет немного была раздражена из-за погоды, так как она приостановила развитие ее знакомства с мистером Викхемом. А Китти и Лидия вообще смогли пережить пятницу, субботу, воскресенье и понедельник только потому, что во вторник должны были состояться танцы.